

ГАЛИНА РОМАНОВА

ЛАБИРИНТ ПРОСТЫХ СЛОЖНОСТЕЙ

Галина Владимировна Романова
Лабиринт простых сложностей
Серия «Детективы Галины
Романовой. Метод Женщины»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68455148
ISBN 978-5-04-177137-9

Аннотация

Полковник Хмельнова имела неосторожность назвать новое дело банальным. И как сглазила! Стройная версия рассыпалась, все запуталось, и кого подозревать в совершении убийства, непонятно... А началось все с того, что две подруги не поделили парня. Алла пригласила Ирину в гости, рассказала, что собирается уезжать с любимым Иваном на Сахалин, даже продает квартиру. В разгар ссоры соперниц Алле позвонил Иван, и она побежала к нему. А потом Ирину с окровавленным ножом в руке застали на лестнице над телом зарезанной Аллы...

Галина Романова – подлинный знаток человеческих чувств и отношений. В ее детективных мелодрамах из серии «Метод женщины» переплетаются и кровь, и слезы, и любовь. Все, как в реальности, когда один единственный шаг отделяет нас от любви до ненависти, от дружбы до любви, от рождения до

смерти. Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	55
Глава 7	64
Глава 8	78
Глава 9	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Галина Романова

Лабиринт простых

сложностей

Редактор серии А. Антонова

Оформление серии К. Гусарева

© Романова Г. В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

МЕТОД
МЕДИЦИНСКИХ
ДЕТЕКТИВОВ
ГАЛИИ
РОМАНОВОЙ

Глава 1

В кабинете было прохладно и сумрачно. Кондиционер, выставленный на двадцать два градуса, работал исправно. На окнах были опущены жалюзи.

– Там был кто-то еще! Это не я! – попыталась возмутиться девушка, сидевшая к нему спиной, лицом к подполковнику Хмельновой.

– Кто был? – ровным спокойным голосом поинтересовалась Маргарита Сергеевна.

– Я не знаю! Я не помню! – узкая спина девушки выгнулась дугой, послышался характерный всхлип. – Но это не я!

Он внимательно наблюдал за допросом, который проводился в кабинете, а не в комнате для допросов. Хмельнова настояла. Наблюдал не потому, что его кто-то попросил об этом. Сам захотел. Очень ему было интересно, как Хмельнова станет «крутить» подозреваемую в убийстве своей знакомой.

О ее профессионализме ходили легенды. И раскрываемость будто у нее была выше некуда. И преступников «колола» на щелчок пальцев. Правда, непонятно было, почему ее при таком рейтинге и заслугах сослали с самого верха в их отдел в рядовом районном отделении полиции. Он попытался узнать – тишина.

– Никто не знает, Дима! Полковник, конечно, в теме, но

разве он расскажет! – шептала ему по секрету дознаватель Верочка Умова, склоняясь над столом в его сторону, когда они обедали в их ведомственной столовой. – Тетка жуть какая крутая. Но где-то попала. Будь с ней осторожнее.

Он согласно кивал, а про себя думал, что осторожничать ему следовало больше с Верочкой, нежели с Хмельновой. Слишком уж стремительно дознаватель Умова в последнее время сокращала между ними дистанцию...

– А кто?

Хмельнова глянула на подозреваемую исподлобья, замерла с авторучкой, занесенной над девственно чистым протоколом допроса.

– Я не знаю! – в девяносто девятый, наверное, раз повторила девушка.

– А кто знает? – этот вопрос тоже повторялся за последние полчаса неоднократно.

– Я не знаю!

Ладони девушки легли на лицо, плечи задергались. Она заплакала. Хмельнова наблюдала за ее слезами без эмоций. Дима вообще сомневался, что эта женщина способна чувствовать хоть что-то. Она смотрела на окружающий ее мир всегда одинаково: холодно и равнодушно. Никогда не улыбалась. Боже упаси ей засмеяться!

Ему она напоминала его учительницу по биологии. Та была такой же: холодной, надменной, бесчувственной. Они даже внешне были похожи. Узкое лицо, высокий лоб, гладко

зачесанные в старомодный пук черные волосы без намека на седину. Рост под метр восемьдесят, худая до измождения. Никакого лака на ногтях. Чистые короткие ногти. Всегда низкие каблуки и темная одежда.

Да, одно лицо с его учительницей по биологии. Он поймал себя на мысли, что ждет, что Хмельнова вот-вот скажет девушке:

– Садись, не готова, два!

Конечно, она ей так не скажет. Но сидеть девушке придется. Потому что она зарезала свою знакомую в момент бытовой ссоры. И почти ничего из событий того рокового вечера не помнит. Просто был алкоголь, много запретных разговоров и тот самый один-единственный, которого они пытались поделить между собой.

– Банально до отвращения, – прошипела Хмельнова, когда дело легло на ее стол. – О чем думают эти дуры, бросаясь на шею подобному мерзавцу?

Дима удивленно глянул на нее, промолчал. Но Хмельнова, надо отдать должное ее проницательности, тут же все поняла.

– Вы, Дмитрий, считаете, что в данной ситуации девушки сами виноваты?

– Допустим, – пробубнил он невнятно.

Ему страшно не хотелось вступать с Хмельновой в дискуссии. Теткой она казалась ему зловредной и злопамятной. Эти слухи о ней уже вдогонку к его мнению прилетели, без

уточнения причин ее понижения в должности.

– Нельзя себя навязывать мужчине, если он этого так откровенно не хочет, – все же решил он уточнить.

– А если этот самый мужчина – отъявленный засранец? И ему нравится играть судьбами таких вот дур, как эти девушки? – прищурила в тот момент холодные темные глаза Хмельнова. – Он провоцирует их, сталкивает лбами, наблюдает со стороны и потешается. А то еще и ставки делает. Да, да, не надо изображать недоверие, юноша. И такое в моей практике встречалось.

– И чем закончилось? Тоже соперницы сошлись в поединке?

– Нет. Поножовщины не случилось... А еще бывает, что кто-то что-то придумал для себя и намертво в это поверил. – Хмельнова повернулась к нему спиной, что-то высматривая за окном. – И в этом случае одна из них оставила записку, в которой обвиняла своего парня. И вышла из окна десятого этажа.

– И что, парню ничего не было? – заинтересовался Дима.

– Следствие не смогло доказать его вины. Девушка сама...

– Была виновата? – хмыкнул он.

– Нет. Она просто расценила его знаки внимания неправильно. Немного не так, как следовало. Решила, что он ею увлекся. А он... – она резко повернулась, так же равнодушно глядя. – А он просто старался быть вежливым. Но это совсем не то, что мы имеем на данный момент. Здесь для меня все

очевидно.

Он смотрел вопросительно. И она снизошла до объяснения:

– Мерзавец спал с обеими. Каждую уговаривал держать их отношения в тайне, уверял, что любит только ее, а ту – другую – избегает. И вообще не знает, как от нее отделаться. Банально до отвращения. Получим признательное и будем двигаться дальше...

Но вот с признательным выходила просто беда. Девушка наотрез отказывалась признавать вину. И на каждом допросе твердила одно и то же:

– Это не я... Там был кто-то еще... Я не помню, не видела – кто.

Хмельнова из кожи вон лезла, загоняя девушку в угол такими же односложными вопросами:

– А кто это был?.. А кто знает?.. А кто видел?..

Результата не было.

– Так и до психиатрической экспертизы недалеко, – проворчала Хмельнова, когда подозреваемую увел конвоир. – Может, она под дурочку косит? Что молчишь, капитан? Какое твое мнение?

Она вдруг пару дней назад перешла с ним на «ты».

Неужели! Спросила его мнение! Обалдеть!

– Не думаю, что она пытается выставить себя нездоровой, – осторожно начал Дима. – Она просто была пьяна и ничего не помнит. Так бывает.

– Но анализ ее крови установил, что она выпила не больше двух бокалов вина. Этого недостаточно, чтобы вообще ничего не помнить. И жильцы подъезда, которые вызвали полицию, в один голос утверждают, что, открыв дверь на крики, увидели, как наша подозреваемая держит окровавленный нож в руке и орет. Стоит над лежащей на лестничной площадке мертвой девушкой с ножом в руке и орет не своим голосом. Ну что тут огород-то городить, капитан? Убила, а теперь – не помню.

– Может, и не помнит из-за сильнейшего психологического потрясения.

– Да помнит она все! – резко возразила Хмельнова, заходя по кабинету со сложенными на груди руками. – Она не была пьяна настолько, чтобы не помнить. Не дура, по глазам вижу. Выгораживать некого. На подъездных камерах никто не засветился на момент убийства. Никто, кто был заинтересован в смерти ее знакомой. Ты всех проверил?

– Да, – не совсем уверенно произнес он. – Всех, кто входил и выходил из всех четырех подъездов этого дома на момент, предшествующий убийству, и после него.

– Никого, заслуживающего нашего внимания? – встала Хмельнова перед его столом.

– Никого, – уже увереннее проговорил Дима.

– А убитая девушка? Ты проверил ее контакты, друзей, знакомых, родственников?

– Не все, – вот тут он не стал врать, потому что почти

никого еще не проверил. – Времени не хватило. Я один. Все в отпусках.

– Нашли тоже время в отпуска уходить, – проворчала Хмельнова, отходя от его стола. – Я, конечно, понимаю, почему ты не усердствуешь, капитан. Готовая подозреваемая в камере, чего лишние телодвижения совершать, так? Так... А вдруг? Вдруг она говорит правду? Вдруг это не она убила соперницу?

– А кто? – с усталым вздохом спросил Дима. – Мы же с вами знаем, как было дело, товарищ подполковник.

Да, они совершенно точно знали, что четыре дня назад, вечером, ближе к девяти, девушки встретились на квартире жертвы. Она, собственно, и настояла на встрече. И даже накрыла стол, выставив бутылку вина и торт. У двери, встретившись, девушки даже обнялись. Уселись за стол и...

И тут началось!

Они принялись выдавать друг другу ту самую страшную тайну, которую их общий любовник слезно просил обеих скрывать.

– А почему? Почему именно тем вечером? Почему точно понадобилось расставить именно тогда? Ни днем раньше. Ни днем позже. – Она дождалась его недоуменно поднятых плеч и удовлетворенно ответила самой себе: – Потому что их любовник тайно сообщил каждой, что уезжает в длительную командировку на Сахалин. На год! И хочет взять...

– Каждой из них он сказал, что именно ее, – продолжил

Дима.

– Именно. И сетовал, гаденыш, что не может сделать одной из них больно, рассказав правду о другой. По сути, он столкнул их лбами. Устроил поединок.

– И избавился сразу от обеих. Его тоже надо бы привлечь к ответственности, товарищ подполковник.

– погоди, не перебивай мою мысль, капитан. – Тонкий палец с коротким ногтем прилип к ее подбородку, взгляд поплыл. – Девушки принялись выяснять отношения, сидя за столом и выпивая. Ссора набирала обороты. Каждая мнила себя единственно любимой, а соперницу считала помехой. В какой-то момент их ссора выкатилась за пределы квартиры и...

Она растерянно глянула, нахмурилась.

– Как они оказались на лестничной клетке двумя этажами ниже, капитан? Почему именно там одна убила другую? Не в квартире, где никто не увидел бы подозреваемую с ножом в руке. Почему там?

– Может, та, что убила, в какой-то момент захотела уйти? А хозяйка квартиры, решив, что ничего еще не ясно и не решено, бросилась за ней следом...

– С ножом в руке! – перебила его Хмельнова с хищным прищуром. – Набросилась на нашу подозреваемую, а та, начав обороняться, убила соперницу по неосторожности. А что? Чем не версия?

– Ей бы именно так и говорить, а она молотит про кого-то

третьего, и все тут! Да! – неожиданно вспомнил он. – Откуда у нее синяк?

– Синяк? – подняла тонкие брови Хмельнова. – Какой синяк?

– Когда она сидела ко мне спиной, я обратил внимание на синяк за ее левым ухом. Довольно большой. Под воротником ее рубашки не очень удалось рассмотреть. Но синяк точно имеется. Откуда?

– Наверняка получила его в момент драки с соперницей, – как-то даже беспечно отозвалась Хмельнова.

И вдруг задумалась. И произнесла после непродолжительной паузы:

– Но уточнить все же необходимо. А вообще, капитан, не следует нам так глубоко рыть. А то, не дай бог, шахтеры полезут. Банальное же дело. Просто до тошноты банальное.

Глава 2

Иван стоял перед зеркалом в собственной ванной и репетировал. Нужного выражения лица не выходило. Где боль, раскаяние, скорбь, наконец? Почему любимая им, симпатичная физиономия расплывается в довольной ухмылке, как он ни пытается ее погасить?

– Блин! – фыркнул он, брызнув на зеркало воды из пригоршни. – Экий ты мерзавец, Ваня!

Конечно, мерзавцем он себя не считал. Он себя любил чрезмерно. И ругать, осуждать или, упаси господи, ненавидеть себя не имел никакого права. Он хороший! Умный, правильный, без вредных привычек. Любовь к женщинам не в счет. Он всегда умел заработать. И навыки не растерял. Он сам для себя был прекрасным стрелочником, умело направляя себя на нужные рельсы. Когда становилось опасно, он загонял себя в тупик и переживал. Как вот сейчас.

Неожиданно лицо его сморщилось, как от боли. Иван вспомнил, какого выгодного предложения лишился по вине этих двух дур.

– Смотри, Ваня, второй раз не предложу, – разочарованно глянул на него один из знакомых, периодически подгоняющих ему темы для заработка. – Реальные же бабки можно срубить, почти ничего не делая. Взял, отвез, передал. Все!

– Да понимаю я. Но вдруг менты меня пасут?

– Из-за чего? Из-за того, что твои телки тебя не поделили? Так Ирка вроде уже под стражей.

– Под стражей. Но в суд-то ее не везут пока, почему? – он удрученно смотрел на знакомого. – Почему? Есть сомнения потому что. Начнут рыть, блин... Может, за мной уже наблюдают!

– А ты при чем? – тарасил глаза знакомый и инстинктивно начинал оглядываться. – Ты же ни при чем?

– Разумеется! – фыркал Иван оскорбленно. – Вся моя вина в том, что вовремя не сумел отделаться от них. Или хотя бы от одной из них. Кто же знал, что Ирка поедет к Алле в гости? И схватится потом за нож! Вот дуры!

И еще какие, но...

Но Иван не мог не признать, что сложившаяся ситуация ему на руку. Он избавился сразу от обеих. Долго тянул, все намекал, намекал. Бросить не решался. Они же просто вымотали ему все нервы! Достали звонками и сообщениями. Хорошо он на квартиру к себе их не возил. Иначе у двери бы ночевали.

В дверь позвонили. Иван закрутил краны. Вытер полотенцем зеркало. Убрал самодовольство с физиономии и пошел открывать.

Он знал, кто к нему явился. Они договаривались о встрече вчера вечером.

– День добрый, проходите, – гостеприимно распахнул он дверь пошире, впуская капитана полиции Дмитрия Андре-

ева.

Он старался выглядеть удрученным: голова низко опущена, уголки рта тоже, глаза полуприкрыты. Так, наверное, должна была выглядеть скорбь.

– Можете не снимать ботинки, – великодушно позволил он менту. И соврал: – У меня не прибрано.

Соседка, которая занималась в его квартире уборкой, ушла пару часов назад, вылизав квартиру до блеска. Она это делала через день. А он ей довольно неплохо платил.

Они прошли в гостиную. Капитан сел на стул у небольшого круглого стола, более походившего на кофейный, нежели на обеденный. Иван развалился на диване.

– Мы вроде с вами уже общались, – напомнил он тут же. – Поверьте, ничего нового я вам сообщить не могу.

– Зачем же тогда согласились на встречу? – окинул его усталым взглядом Андреев.

– Подумал, что, может быть, у вас для меня появилось что-то новое. – Он обхватил колени скрещенными пальцами, мягко качнулся на диване. – Может, в ходе следствия появились какие-то факты, способные смягчить вину Ирины. Может, она оборонялась?

– Может быть... Все будто указывает на то. Но... – капитан широко развел руки в стороны. – Но она продолжает стоять на своем: там был кто-то третий.

– Третий?! – просипел Иван и в притворном ужасе отшатнулся. – Господи! Она совершенно сошла с ума! Какой тре-

тий? Кому нужна была Алла, чтобы убивать ее так... Так нелепо!

– Нелепо? – белесоватые брови капитана полезли вверх. – Что вы имеете в виду?

– Ну, товарищ капитан, вы же профессионал! Вы же лучше меня понимаете, что если кто-то собрался убить Аллу, то не полагался бы на такой случай. Ждать на площадке двумя этажами ниже, когда девушки вдрызг разругаются, выскочат из квартиры и побегут вниз по лестнице. И вот тогда-то убийца и нанес свой сокрушительный удар. Согласитесь, это так себе версия.

– Да. Так себе. Если только Ирина намеренно не спровоцировала Аллу, выманив соперницу прямо на убийцу. Как вам, Иван, такой расклад? И не забывайте о ноже.

– А что нож?

– Вы опознали его. Сказали, что это нож из кухонного набора Аллы.

– Вот именно! – фыркнул он, поражаясь бестолковости капитана. – Как может нож из кухонного набора Аллы оказаться в руках третьего лица? Явно Ирка что-то выдумывает.

– Но дело в том, что кухонный нож из того набора был найден на балконе в квартире жертвы. Идентичный тому, которым были нанесены смертельные ранения Алле. И который держала в руке Ирина, когда ее обнаружили соседи.

– В смы-ысле? – вытаращился Иван и скорее угадал, чем почувствовал, как его лоб прорезают глубокие морщины. –

Хотите сказать, что Аллу зарезали не ее ножом?

– Именно! – щелкнули пальцы на правой руке капитана.

– А чьим? – он теперь уже чувствовал, не угадывал, как морщится кожа на его лбу. – А кто?

– Ну... Думаю, тот, кто знал о существовании подобного ножа в наборе Аллы. Или это трагическое совпадение. А в них я... – Андреев приложил к уголку рта ребро ладони и заговорщически прошептал: – Не верю!

Ивану понадобилось минут пять, чтобы понять, куда капитан клонит. Он мелко захихикал и шутливо погрозил ему пальцем.

– Не выйдет, капитан. Не выйдет подтянуть меня. Алиби – раз. Отсутствие мотива – два.

– Ну, вот мотив как раз у вас имеется, – по его примеру погрозил капитан пальцем. – Избавиться сразу от двух надоедливых особ.

– Seriously? Таким варварским способом? Увольте! Я мог бы их просто послать, и все. Да, не скрою, меня начали тяготить эти отношения. Но такое у меня случалось и ранее. И я никого не убивал, это абсолютно точно. Могу предоставить вам список моих бывших любовниц. Все живы и здоровы.

Капитан после его слов заметно сник. Видимо, алиби не раз проверил, и мотив даже ему казался сомнительным.

– А где вы встречались со своими дамами? – спросил он после паузы и потыкал пальцем в пол. – Здесь?

– Упаси меня господи! – фальшиво перепугался Иван. –

Мой дом – моя крепость, и только моя. Девочек сюда я не таскаю.

– Тогда где?

– У Аллы дома всегда встречались. С Иркочкой по загородным отелям мотались. Иногда и у нее, когда ее тетка уезжала на дачу.

– Она жила с теткой?

– Она жила у тетки, – поправил его Иван. – И та ей об этом регулярно напоминала.

– А ее родители?

– Ничего о них не знаю. Сами у Ирины спросите...

Ирина на этот счет несла какую-то околесицу про без вести пропавших отца и мать. Еще когда она была в детском возрасте, они якобы пропали в экспедиции. Геологами были. Проверить эту информацию пока не удалось. Ее тетка потрясенно молчала, когда в ее квартире проводился обыск.

– А что о родственниках Аллы? Вам что-то известно о них? Никто не объявился. В телефоне тоже контактов не обнаружено.

– Вот у Аллы точно никого нет. Живет... – Иван на мгновение погрузился, того требовал сценарий. И поправился: – Жила в квартире родителей. Они давно умерли от болезней. Она не раз об этом вспоминала. Как ей пришлось за ними ухаживать и так далее.

– Кому же теперь достанется квартира? – поинтересовался капитан. – Квартира-то большая. Дорогая, учитывая район.

– Вы видели состояние этой квартиры? – скривился Иван. – Туда денег вбухать нужно миллионы, чтобы продать достойно. Ремонт еще при ее живых родителях делался. Алла не заморачивалась, ни рубля не тратила на то, чтобы розетку поменять. Ну... А кому достанется, не знаю. Может, объявится кто-то из дальних родственников. Может, государству. Меня это не очень тревожит.

– Угу... – покивал капитан.

Как будто нехотя поднялся и медленно двинулся в прихожую. У двери притормозил и, подмигнув Ивану, тихо поинтересовался:

– А вы с Ириной сексом довольно жестко занимались, да?

– В каком смысле жестко? – нахмурился Иван.

– Ну, садо-мазо, типа того, так?

– Нет, не так, – вспыхнул он до корней иссиня-черных волос, неделю назад подкрашенных у знакомого мастера. – Все было вполне пристойно. Я эти всякие извращения не терплю. Не приемлю. Могу предоставить список моих...

– Да, да, я помню, – перебил его капитан, и тут же его белесые брови снова полезли вверх. – Тогда откуда у Ирины такой обширный синяк за левым ухом? Ударить в это место так, чтобы остался синяк, очень трудно, почти невозможно. Это от захвата, точно. Что вам об этом известно?

– Ничего. – Иван снова сделался беспечным. – Я ее не душил никогда. Ну вот ни разу! И уж точно не бил. Никого, никогда.

– И вы можете предоставить полиции список своих любовниц, которые подтвердят, ну и так далее... Я помню. Откуда же синяк?

– А сама Ирка что на этот счет говорит?

– Ничего. Говорит, не помню. Доктор осмотрел ее, счел, что этот кровоподтек появился тем днем, когда Новикова Ирина совершила убийство своей соперницы. И предположил, что этот синяк – результат их потасовки.

– В смысле Алла ей поставила синяк? – Иван с сомнением покачал головой. – Это вряд ли. Алла была неженкой. Никакого рукоприкладства никогда в жизни не совершала. Даже на пощечину не могла решиться, хотя, я видел, ей не раз хотелось мне врезать.

– Знаете, Иван, когда речь идет о жизни и смерти, можно решиться на что угодно.

– Это не она, – решительно отмел он подозрения капитана.

– Тогда кто? – Андреев приоткрыл дверь.

– Не знаю, – широкие плечи Ивана высоко поднялись и опустились, и, сам того не желая, он проговорил: – Может, и правда там был кто-то третий?

Глава 3

Ирка в конце концов получила то, что заслужила. Всю жизнь она с ней возилась, фамилию они с сестрой ей свою дали. Отчеством наградили, которое сами носили. Считали, что отчество деда будет ей в добрую память и помощь. Уже после смерти сестры – матери Ирины – она всячески пыталась вытравить из девчонки любое напоминание о ее отце. Словно и не было никогда его. Не существовал такой человек. Только его биоматериал, и точка!

Наряжала как куклу. Отдала в лучшую школу в районе. Потом колледж, заочный институт. Работу нашла ей приличную. Платили хорошо. Относились с уважением. И что из всего этого вышло?! Ничего! Все впустую. Все ее старания, забота, какая-никакая любовь – все пущено по ветру.

Гены пальцем не сотрешь, как говорится. Мало того что шалава связалась с мужиком-повесой. Так еще ухитрилась убить свою соперницу.

– Закончишь жизнь, как папаша твой, на нарах, – прошипела Клавдия Степановна в телефонную трубку, явившись на свидание со своей племянницей.

– Ты же говорила всегда, что он был геологом, – вяло отреагировала Ирина. – Что он золото искал в горах.

– Золото он искал, только не в горах, – недобро улыбнулась ей Клавдия Степановна. – А все больше по банкам да

по домам богатых людей. За что получал срок за сроком. И где-то и сгинул.

– Давно? – проснулся неожиданный интерес у Ирины.

– Давно. Тебе лет пятнадцать было, когда пришел от него человек и сказал, что папаша твой героический на нарах помер. От туберкулеза или от рака, не помню. Неинтересно мне было тогда. Тебе тем более. Я вообще хотела, чтобы ты жила как можно дальше от всей этой грязи. Сестра моя, упокой, Господи, ее грешную душу, связалась с уголовником и слушать никого не хотела. Все ждала его из тюрем, ждала, да и померла в ожидании. А мне тебя вручила. Я старалась, Ира! Изо всех сил старалась вырастить из тебя человека. А что вышло?

Клавдия Степановна отодвинула ото рта воняющую чужими сигаретными парами телефонную трубку, тяжело вздохнула и даже всхлипнула. Хотя ничего, кроме злости и разочарования, не чувствовала. Ну вот ни грамма ей не было жалко племянницу. Дура такая, что натворила!

Сидит теперь, таращит свои зеленые глазищи из-за пыльного заляпанного стекла. Ежится, пытаясь спрятать грудь четвертого размера под старенькой кофтой, которую ей Клавдия Степановна передала. Только прячь не прячь, ее все увидят. И охранники похотливые, и сокамерницы. Будут теперь ее красоту тут драть на части, пока в лохмотья не превратят. Тьфу, гадость какая!

– Тетя Клава, я ее не убивала, – тихо произнесла Ирина,

низко опуская голову, словно затем, чтобы продемонстрировать ей пышную растительность на макушке.

А она и без того знала, что у Ирки коса в руку толщиной. И цвет волос как с картинки: светло-пепельный. Сама Клавдия Степановна сколько раз пыталась воссоздать подобный оттенок, бесполезно. Ни один салон не справился.

– Ты ее не убивала, конечно! – отозвалась она с легким фырканьем. – Карлсон прилетел, убил твою соперницу. Тебе в руки нож вложил, кровью вымазал и орать заставил так, что все соседи из своих квартир повыскакивали. Я же говорила со следователем. Все знаю.

– Там был кто-то еще, – пробубнила племянница, поднимая на нее упрямый взгляд, за который ее Клавдия тихо, про себя, ненавидела. – Я плохо помню...

– Ключевые слова, детка. Эти слова тебе да в помощь на суде.

Клавдия Степановна скорбно поджала губы, помолчала, потом принялась рассказывать, что положила в передачку.

– Я не курю, – тихо изумилась Ирина.

– Это не тебе, – отмахнулась от нее тетка.

– И мятные пряники не люблю.

– И это не для тебя. Мне тут шепнули, что их любит та, которая отвечает за порядок в камере. Будь умнее! – строго глянула на нее Клавдия Степановна. – Не откровенничай особо. На рожон не лезь. Может, и получится...

– Что именно? – задала последний вопрос Ирина, прежде

чем положила телефонную трубку на аппарат.

– Отсидеть тебе свой срок без особых проблем...

Ирину увели. Клавдия Степановна положила трубку на захватанный чужими руками аппарат. Тяжело поднялась и пошла прочь из помещения, которое считала страшным.

Тюрьма для нее была чем-то вроде лепрозория. Что от проказы спасу нет, что от тюрьмы. Излечишься, отсидишь, клеймо все равно на всю жизнь останется.

– Как хочет, – тихо ворчала она, выходя за ворота следственного изолятора. – Сама себе судьбу выбрала. Пусть теперь расхлебывает.

Вообще-то она зря ворчала. Ирина никогда не досаждала ей глупыми поступками. Училась хорошо, была послушной, не грубила, на глаза, когда не надо, не попадалась. Закроется в своей комнате и затихнет часа на три-четыре, когда у тетки настроения не было. Нет, грех ее обвинять в том, что она жила как-то неправильно. До недавнего времени.

Точно, все началось именно со знакомства с этим сволочным мужиком – Иваном. Ирку будто подменили, так она стала на себя не похожа.

– Ты это или не ты? – вытаращилась на нее однажды Клавдия Степановна. – Может, мне анализ ДНК сделать? Может, мне кого-то другого подсунули?

Племянница лишь широко скалилась и заговорщически улыбалась. И еще несла какую-то чушь, что скоро съедет от нее. Станет жить отдельно, обеспеченно и счастливо.

– Живи вот теперь отдельно, – проговорила Новикова негромко, с кряхтением влезая в свои старенькие «Жигули». – Тут тебя и обеспечат всем необходимым. И счастливой сделают. Дура!

Отчихавшись положенные три минуты, мотор старой машины наконец завелся. Клавдия Степановна поехала домой. Вообще-то ей там было делать нечего. Она уже месяц как переехала на дачу. Всегда съезжала с июня по сентябрь. Домой редко когда летом заезжала. Необходимости не было. В дачном поселке и аптека имелась, и магазин, и рынок. Все можно было купить, выйдя за калитку в резиновых тапках. Заезжала лишь квартиру проверить. Вдруг племянница в ее отсутствие мужиков взялась водить.

Но, надо отдать ей должное, Ирка никогда не тащила в их дом грязи. Ни разу ее Новикова не застала врасплох, как ни старалась. И все равно девка ухитрилась вляпаться в скверную историю. Выкрутиться ей не удастся. Следовательно ясно сказал:

– Вашей племяннице грозит серьезный срок. Если бы она изменила показания и утверждала, что нанесла смертельные удары сопернице, обороняясь, тогда бы еще можно было переквалифицировать статью. Но она твердо стоит на своем: там был кто-то третий! Ну что за чепуху несет! Поговорили бы вы с ней, Клавдия Степановна.

Он-то и свидание им устроил. Только и ей Ирка подобную чушь несла. А Клавдия уговаривать ее, если честно, и не со-

биралась. Как ни крути, но она испытала невольное облегчение, избавившись от племянницы. Не за кого теперь переживать. Некому теперь будет ее злить. И под ногами никто путаться не станет. Она снова станет жить одна: тихо и спокойно.

Новикова въехала в свой двор, приткнула «Жигули» за кустами боярышника. Слышала, теперь так парковаться запрещено, газонем это место считается. Могут даже штраф прислать. Только какой же это газон, если земля вытоптана до звона? На ней даже стук каблучков слышен. Газон!

– Клавдия, ну что там, у Ирки-то?

На скамейках у дворового стола сидели ее соседки-ровесницы. Одна с вязаньем, вторая с семечками. Та, что полюбопытствовала, тасовала колоду карт.

– Присядь, присядь, не спеши, – двинула она по скамейке широким задом, освобождая ей место. – Расскажи хоть, что там...

– А что там? Там тюрьма, девочки.

Клавдия послушно присела. Выпендриваться – не вариант. И так клеймо теперь на ней до дней последних: племянница убийца. Не думала, что так замарается. Никогда не думала.

– Ирка-то как? – не отрывая взгляда от вязанья, спросила соседка.

– А никак. Глаза таращит, не убивала, говорит. Кто-то еще, говорит, на лестничной площадке был. А кто? Что? Не

помню, говорит. И как с такими ее утверждениями в суд идти? Посадят ведь. Без вариантов посадят.

– Вот дуреха-то! – сгребла шелуху от семечек в кучку вторая соседка. – Валила бы все на соперницу. Мол, оборонялась и все такое...

– Так и следователь советует. Говорит, статья будет другая. Наказание меньше. А она как глупая! – в сердцах выпалила Новикова.

И, покосившись на Нину Иванову, методично раскладывающую карты на столе, поинтересовалась:

– Что твои короли и валеты говорят? Раскинула бы хоть на Ирку-то.

– Раскидывала не раз. И ничего не понимаю, – оглядела та соседок по очереди. – Выходит у нее хорошая карта. Вопреки всему выходит радость.

– Велика радость – за убийство сесть, – проворчала Новикова, уставившись на карты, выпархивающие по три на стол из ловких пальцев Нины. – А у меня что?

– А вот у тебя, Клава... – Иванова в притворном ужасе округлила глаза. – Какой-то казенный дом да король пиковый. По несколько раз на тебя раскладывала, все одно выходит. Не собираешься вину за племянницу на себя взять, нет?

– Тьфу на тебя, Нина, – рассердившись, Новикова встала со скамейки и пошла к подъезду.

– Клава, ну что ты обиделась-то? – закричала ей в спину Иванова. – Я же просто... Ничего такого... Мало ли, может,

ты теперь без Ирки-то наконец свою личную жизнь и наладишь.

Язва противная! Все никак не может забыть, что Клавдия ее двоюродному брату отказала, сославшись на воспитание племянницы. Уже лет десять прошло, а она все помнит. Брат ее спился и помер в канаве. И Иванова нет-нет да подденет Клавдию. Мол, жил бы ее братец с ней, не спился бы и не пропал. И вот ни разу, если вспомнить, за эти годы не нагадала на картах своих ничего путевого Клавдии. Все гадости какие-то говорит. Мол, карта так ложится! Ага, сейчас!

– Не будет у меня никакого казенного дома, – зло шипела Новикова, выгребая из шкафов Иркины вещи. – И пикового короля не будет. Не моя это жизнь. У меня теперь будет другая: спокойная и тихая, как вода в озере в солнечный полдень.

Озеро это она все время вспоминала: самая милая картинка из их с сестрой детства. Летний полдень, тихо, жарко. Папа в тени разводит костер, вешает котелок. Они собрались варить уху из рыбы, которую папа наловил двумя часами ранее. Мама безмятежно смеется, развалившись на мягком пушистом покрывале в метре от костра. Отец что-то шепчет ей, а она смеется.

– Он с ней заигрывает, – расшифровывала ей поведение родителей сестра, она была старше и считала себя умнее. – А ночью они будут целоваться.

– Совсем, что ли! – возмущалась Клавдия. – Они этого не

делают. Они уже старые!..

Сколько им тогда было – ее родителям? Маме сорок, отцу сорок пять. Они были даже моложе ее самой в ее нынешнем возрасте. Ей сейчас сорок восемь. Их она считала старыми. А себя нет. Себя теперь считала...

Да чего уж от себя скрывать, себя она считала невестой на выданье. Одинокая, привлекательная, обеспеченная. С жильем, опять же. Ирка так кстати съехала. Неважно куда. Но съехала же. И не будет путаться у нее теперь под ногами. А Клавдия каждый раз, когда кто-то вознамерится ее проводить, не станет мечтать о том, что вот жила бы она одна...

Странно очень, да, но она не считала свои мысли греховными. Ирка получила то, что заслужила. Клавдия получила то, о чем давно мечтала. Никто, конечно, об этом не узнает. А то еще, чего доброго, сочтут это мотивом. И алиби ее станут проверять. А алиби-то у нее на тот вечер и не было. Спала она в дачном домике. Одна спала.

Все вещи племянницы она собрала в две большие сумки из полосатой клеенки. И снесла в кладовку на этаже. Молодец, сообразила, выкупила в свое время. И банки пустые там хранились. И варенье с компотами. Теперь вот вещи племянницы нашли там свой угол. Квартиру она от нее зачистила.

– Чтобы духу твоего здесь не было, – приговаривала Клавдия, делая генеральную уборку в комнате, которую прежде занимала Ирка. – Не сумела жить правильно, живи теперь по закону.

Из ее комнаты она перешла с уборкой в другую. Потом в третью. И в итоге к шести вечера вылизала всю квартиру до блеска. Устала до дрожи в пальцах рук. Но осталась вполне довольна собой. Приняла душ. Переделалась в легкий трикотажный костюм из длинной юбки и кофточки на пуговицах. Нацепила на голову легкую шляпку и, заперев квартиру на все замки, начала спускаться по лестнице.

– Что-то вырядилась так, Клавдия? – прищурилась в ее сторону Нина Иванова, когда Новикова проходила мимо дворового стола к машине. – Уж не на радостях ли?

– Ничего не вырядилась. – Новикова открыла багажник, уложила туда сумки со своими летними вещами и босоножками. – И какая у меня, интересно, радость?

– Ну как же! – ядовито усмехнулась Нина. – Одна теперь. Воля вольная. Кого хочешь, на ночь приведешь. Ирка не осудит, не покосится. Да... Очень кстати она в тюрьму отправилась.

– Что значит «кстати»? – разозлилась на нее Клавдия. – За словами своими следи! Кстати!

– Я про пикового короля, Клавдия. – Нина уложила ладони с широко разведенными пальцами на карты на столе. – Пятый раз раскладываю: он везде.

Нина в этот час одна сидела за столом. И Новикова не сдержалась:

– Все брата мне своего простить не можешь? Язвишь и язвишь. Каркаешь и каркаешь. Какой пиковый король, опом-

нись! Нет никого.

– Так будет, – широко заулыбалась Нина и кивнула на карты. – Вот он, прямо в мыслях твоих, Клавдия. Быть ему в твоей жизни. Точно быть...

Новикова ворчала всю дорогу до дачного поселка. И Нину ругала с ее ясновидением карточным. И Иру, которая довела себя своей беспечностью до тюрьмы. Въехав в поселок, она сразу повернула к магазину. Вспомнила, что сахар заканчивается. И масла растительного на доньшке бутылки. Попутно купила мармеладок и бутылку вина. Не дорогого, нет. Она не любила спиртного. И ничего в нем не понимала. Купила для возможных гостей, кои нет-нет да случались в ее дачном домике. И был среди этих гостей один мужчина, которого она особенно рада была видеть. Военный в отставке. Вдовец. Немного манерный, но видный и воспитанный.

Может, он и есть пиковый король?

Клавдия Степановна заглушила мотор машины у самой изгороди своего участка. Она никогда не загоняла машину во двор. Не было специального места. Всегда за забором ставила.

– Клава, вечер добрый! – громко окликнула ее Марина Гнедых, ее дом располагался через дорогу. – Как в город съездила?

– Нормально.

Местные не знали о проблемах с ее племянницей. И она страстно желала, чтобы они не знали об этом и дальше. Она

вообще здесь никому о себе ничего не рассказывала.

– А у тебя гость, – неожиданно сообщила ей соседка и подмигнула. – С обеда гостюет. Сам в калитку вошел. Сам дверь в дом открыл. Сказал, что твой родственник. Будто решил тебя дожидаться по важному делу.

Новикова только тут обратила внимание на то, что окно в кухне распахнуто настежь. И оттуда пахнет едой.

– Гость? Какой гость? – нахмурилась она.

И с досадой подумала, что это, может быть, Ирка, которую внезапно отпустили из тюрьмы. Может, нашелся тот самый третий, о котором она без конца твердила? И ее отпустили?

Вот как некстати!

– Не знаю, что за гость, но мужчина симпатичный. Хлопочет. Огород тебе полил. Еды наготовил. Чувствуешь, как пахнет вкусно?

Она уже ничего такого не чувствовала. Оставив все сумки в машине, рванула к калитке и легкой трусцой двинулась к крыльцу.

Пиковый король! Чертов пиковый король – кто он?! Чьи матерчатые туфли у порога стоят – аккуратно, носок к носку, пятка к пятке? Кепка белая на вешалке и кожаная черная сумка на длинной ручке. Чье все это?

Клавдия вбежала в кухню с высоко поднятой палкой, зажатой в правой руке. Она ее держала на всякий пожарный случай у порога в коридоре.

– Какого?.. – громко закричала Новикова на мужчину у

газовой плиты. — Кто ты такой?! Что ты здесь делаешь? Я сейчас полицию...

Мужчина медленно повернулся. Опасно сощурившись, он широко развел руки в стороны и тихо проговорил:

— Не надо полиции, Клавдия. У меня не очень с ними складывается. Тебе ли не знать.

— Ты-ыы... — сипло протянула она, приваливаясь спиной к стене.

Взгляд словно заморозило на сутулом силуэте с узкими плечами под черной футболкой, на морщинистом лице, когда-то привлекательном, а теперь изможденном и старом. И пальцы...

Эти его отвратительные пальцы, в настоящий момент сжимающие деревянную кухонную лопатку, прежде с легкостью семечек шелкавшие чужие замки. Пальцы были длинными, с аккуратными ногтями, в замысловатых татуировках. Она еще помнила, как они могли сводить ее с ума одним своим прикосновением.

Гадость какая! Зачем об этом вспоминать?

— Зачем ты здесь? Ты же, кажется, умер в тюрьме!

— Как видишь, жив. Мой кореш поторопился. А если честно, просто хотел развести тебя на деньги. Наверняка просил на поминки.

— Просил. Не дала. — Тяжелой поступью старой тетки она прошла к обеденному столу, уселась. И снова повторила: — Зачем ты здесь? Жить негде? Освободился недавно?

– Нет. Давно с законом не конфликтую. Живу почти праведно. И жильем обеспечен. – Она не сводила с него вопро- сительного взгляда. И он проговорил: – Ирина... Причина моего появления здесь – моя дочь.

– Хочешь покровительствовать ей в тюрьме?

– Нет, все не так, Клава. Я хочу ее из этой самой тюрь- мы вытащить. Мы же понимаем с тобой, что она никого не убивала. – Он наклонился и заглянул опасным взглядом, ка- жется, на самое дно ее мятущейся души. – Или ты думаешь иначе?

Глава 4

Он стоял у своей распахнутой двери с оттопыренной щекой, за которой прятался пельмень, и недоуменно таращился на женщину, минуту назад позвонившую в его квартиру.

Вера Умова! Какого черта?! Что ей надо? Вырядилась, как на свадьбу: белое платье в пол с нелепыми оборками на груди, делающими ее еще пышнее и объемнее. Красные туфли с узкими носами на шпильках. Алая заколка в виде розы в белокурых волосах. Что за маскарад летним воскресным утром? Он только недавно проснулся, разогрел вчерашние пельмени и хотел нормально, без суеты позавтракать. И тут она!

– Приве-ет... – пропела Вера и помотала в воздухе зажатой в правой руке бутылкой шампанского. – Ехала мимо. Дай, думаю, зайду. Вместе выпьем. Тем более и повод есть.

– Какой повод? – он все еще тупо стоял и рассматривал ее наряд невесты, забыв пригласить войти.

– У меня сегодня день рождения. А отметить не с кем. Позволишь войти? – ее улыбка сделалась нервной, губы подрагивали.

– Конечно, – нехотя посторонился Дима. – Проходи в кухню. Я сейчас.

Он вдруг вспомнил, что из одежды на нем одни трикотажные шорты, больше напоминающие трусы. И он еще не

брился и зубы не чистил. И в комнатах у него полный бардак. Только в кухне более или менее чисто. Даже вчерашней посуды в раковине нет. Успел, вымыл утром.

Дима распахнул шкаф в маленькой спальне. Нашел спортивные штаны, футболку. Оделся. Кое-как причесался пятерней. Раздраженно задышал.

Вот что ему теперь делать? Какой-то день рождения выдумала. Он точно помнил, что они праздновали его перед Новым годом всем отделом, потому что Вере исполнилось тридцать лет. Юбилей как-никак. Думает, он забыл?

Он схватился за телефон в надежде, что пропустил какой-нибудь важный вызов или сообщение. Нет. Ничего. Зашел в соцсети, проверил, когда там была его начальница Хмельнова. Минуту назад. Может, попросить ее об услуге? Ну, чтобы она ему организовала вызов на место происшествия.

Нет, не очень хорошая идея. Дима отмел ее сразу. Хмельнова тут же уличит его в слабодушии и неспособности поступить жестко и по-мужски. А потом будет смотреть на него многозначительно и хмыкать при каждом удобном случае.

– Что ты делаешь, Вера? – ужаснулся он, входя на кухню. – Ну вот что ты делаешь?!

Вера стояла у раковины и чистила картошку. В платье невесты, с розой в волосах, на красных шпильках!

– Я решила, что нам надо с тобой прилично позавтракать. Что это за еда – магазинные пельмени? Я сейчас картошечки

пожарю и...

– Прекрати! – повысил он голос.

Подошел, выключил воду и сунул Вере в руки рулон бумажных полотенец.

– Не надо никакой жареной картошки. Я ее не люблю, – соврал он. – И ты собралась шампанское закусывать жареной картошкой? Мило!

Вера конфузливо улыбнулась, судорожно вытирая мокрые руки. Осторожно разложила на подоконнике скомканные влажные комки бумаги. Оглянулась. Присела на краешек его кухонной табуретки.

– Прости, Дима, – неожиданно произнесла она, пряча глаза. – Нелепо вышло. Думала, ворвусь к тебе эдаким облаком: нарядным, воздушным. Понравлюсь, заставлю разволноваться. Глупо... И еще шампанское притащила! Вообще идиотизм. Ты не пьешь шампанского. Я это помню. Со своего дня рождения, которое мы вместе праздновали зимой.

Она подняла на него вопросительный взгляд. Он молча кивнул, подтверждая, что отлично помнит, когда именно у нее день рождения. Щеки ее покраснели.

– Прости, – повторила она снова, острый нос ее левой туфли без конца двигался, словно пытался стереть узор на его линолеуме. – Глупо вышло. Вырядилась еще...

– Тебе идет, – нехотя признал он. – Не парься ты так, Вера. Зашла и зашла. Воскресенье, утро. Почему нет? Для шампанского, конечно, еще очень рано. Но кофе-то мы с тобой

можем выпить? А потом пойти прогуляться.

Он готов был идти с ней куда глаза глядят, лишь бы подальше от квартиры с разобранной кроватью, угол которой прекрасно просматривался из коридора. Очутиться с Верой в этой самой кровати он хотел меньше всего.

Кажется, она поняла его намерения. Потому что резко поднялась и произнесла:

– Давай кофе выпьем где-нибудь еще. Ты умывайся, Дима, я тебя во дворе подожду.

Он вышел к ней через рекордные десять минут, успев принять душ, побриться, почистить зубы и найти свежую футболку с чистыми джинсами.

– Куда пойдем? – поинтересовался он, выразительноглянув на ее туфли. – Готова к длительной прогулке?

Она не была готова. Шпильки были не для прогулки, шпильки были для него. Решили, что выпить кофе они вполне могут в парке через дорогу на открытой веранде. Народу к этому часу там было мало. И солнце еще не добралось до полосатого полога, под которым в жару дышать было нечем. Они уселись за дальний столик, заказав по кофе и пирожному.

– Хорошо здесь, – мечтательно улыбнулась ему Вера. – Народу мало. Прохладно пока... Ты извини меня, Дима, я, наверное, поломала какие-то твои планы.

– Хватит уже извиняться, – поморщился он досадливо. – И планов никаких не было. Порядок хотел в доме навести,

подумать еще.

– О чем? – взмахнула длинными ресницами Вера. – О жизни?

– О деле. – Дима покусал губы. – Не дает мне покоя это убийство на лестнице. Все как-то...

– Слишком просто?

– Типа того, – он откинулся на спинку плетеного кресла, уложил на затылок сцепленные замком пальцы. – Вроде все понятно. Дюжина свидетелей. Отпечатки. Все как по учебнику, а...

– А она не признается! – легонько шлепнула кончиками пальцев по краю стола Вера. – Почему?

– Да! Почему? Бормочет ерунду про какого-то третьего. А его никто не видел. Не входил и не выходил никто из подъезда.

Дима замолчал. К столу подошел официант, принес заказ.

– Может, не входил и не выходил, что тебе кажется странным? – глянула на него поверх кофейной чашки Вера.

– Получается, она врет.

– Необязательно. – Она сунула ложечку с засахаренной вишней в рот, принялась медленно жевать. – Может, ее соперницу убил кто-то из жителей этого подъезда?

– Не может. Мотива ни у кого нет. Люди вполне себе приличные. И почти все были друг у друга на виду.

– Почти? Что значит «почти»?

Вера повозила ложечкой в воздушном креме. Недоуменно

глянула и неожиданно покачала головой.

– Вы все квартиры в подъезде прошли в вечер убийства?

– Поквартирный обход, конечно же, был, но... – Дима досадливо покусал губы. – Убийца с ножом в руках – вот он. Перед глазами. Кому придет в голову мысль искать кого-то еще за закрытыми дверями?

– А дверей закрытых много было? – не отставала Вера.

– Так лето, время отпусков, Верочка. Кто на даче, кто на море. Конечно, половина квартир была заперта. Но на лестничной клетке, где произошло убийство, почти все жильцы были в полном составе. Только одна квартира оказалась запертой. А в остальных – работающий люд...

– Да, да, я знаю этот дом. Приходилось по службе сталкиваться.

– Что-то серьезное? – вытянул Дима шею в ее сторону. – По убитой что-то?

– Нет, нет. О ней мне вообще ничего не известно. Но район тот не очень благополучный. Подростки проблемные. По прошлой весне притон один накрыли. И наркотиками торговали, и проституцией занимались.

– В квартире?

– Сразу две квартиры объединили под притон. И ремонт закатали приличный. Дело было поставлено на широкую ногу.

– Прямо в этом же доме, где и было совершено убийство?

– Нет, не в этом. В соседнем. Но! – Вера допила кофе и

поставила пустую чашку на стол. – В этом вашем доме живет один из фигурантов того громкого дела.

– Живет? Не сидит?

– Нет. Соскочил. Но даже странно, почему его не закрыли. Личность, скажу тебе, легендарная. Некто Сергей Иванович Золотов. В блатном мире – Серж Золотой. Пятидесяти лет от роду. На нары присаживался лет с семнадцати.

– Убивал?

– Нет. Крал... – Вера неожиданно протянула руку и погладила Диму по щеке. – Побрился... Успел...

От ее ласки он опешил, смутился, покраснел, уронил чайную ложку на стол. И кусок пирожного, которое он только-только поддел, плюхнулся на стол кремовой горкой.

Какая неловкость! Он не любил выглядеть неловким. Особенно в глазах женщин. Особенно если женщина была в белоснежном платье с воланами и алой розой в волосах. Почувствовал себя неуклюжим подростком, честное слово.

– И кого же обкрадывал Серж Золотой? На чем практиковался? – пристал он с вопросами, чтобы отвести внимание от своего смущения.

– А знаешь, он ничем не брезговал. И сейфы в богатых домах бомбил. Пару раз банки грабил. Но весьма неудачно.

– Откуда ты так много о нем знаешь? – изумился Дима, незаметно подхватывая крошки пирожного со стола салфеткой.

– Я очень плотно была задействована в деле с наркопри-

тоном и проституцией. Горы бумаг, строй фигурантов, информации столько, что мозги кипели. Тогда-то я и познакомилась с этим легендарным дядечкой. Мне поручили вести опрос некоторых подозреваемых. Он был в их числе. Но... – полные руки Веры разошлись в стороны. – Он оказался не при делах. Дурью не торговал, не употреблял, к девкам не захаживал.

– А чего его тогда взяли в разработку?

– Из-за биографии. Сам знаешь, с чего мы все начинаем работать. Вычисляем слабые звенья и... – Вера полезла в сумочку за кошельком.

– Прекрати, – возмутился Дима. – Я оплачу. Ты у меня еще и шампанское свое оставила. Завтра на работу принесу. Верну.

– Не стоит. – Вера грациозно поднялась с места, колыхнув сразу всеми воланами на платье. – Как-нибудь еще загляну к тебе. В более удобное время. Тогда и разопьем.

Глава 5

С некоторых пор ей стало страшно заходить в подъезд. И вечерами страшно, и особенно ночами, когда она возвращалась со своей смены в клубе. И не с некоторых пор, чего она манерничает? С тех самых, как убили девушку Аллу, проживавшую двумя этажами выше.

– Это меня хотели убить! – убеждала она трагическим шепотом свою подругу, прижимаясь к ее спине в койке. – Это точно меня хотели убить. Просто ошиблись!

– Ангел, прекрати истерику. – Саша нехотя поворачивалась, протискивала руку под ее шеей, прижимала ее к своему крепкому плечу и целовала в лоб. – Спи давай. И мне дай поспать.

– Да пожалуйста! – обижалась Ангелина, выскальзывая из-под простыней и усаживаясь в компьютерное Сашино кресло. – Потом будешь жалеть, что не выслушала меня! Станешь плакать!

– О господи!

Саша грузно поднималась, тяжелой походкой шла в кухню и громыхала посудой в холодильнике. И ворчала, и ворчала, что в ее ночном «жоре» виновата Ангелина. И в ее лишние килограммы виновата тоже она.

– Почему я? – скрестив руки под маленькой грудью, спрашивала Ангелина, возникая в дверном проеме кухни.

– Спала бы я и спала, и жрать не хотела бы. А ты же не даешь мне уснуть? Не даешь! Все ноешь и ноешь, – возмущенно округляла глаза Саша, откусывая от круга краковской колбасы огромные куски. – Вот кому ты нужна, скажи?

– В смысле? – моргала Ангелина растерянно. – Тебе нужна, разве нет?

– Мне нужна, но убивать-то я тебя не хочу. – Саша выразительно смотрела на круг колбасы в руке, тающий с бешеной скоростью. Вздыхала печально и добавляла с горечью: – Во всяком случае, пока не хочу убивать. Но если ты мне еще одну ночь испоганишь, Ангел, я за себя не отвечаю...

Так продолжалось почти каждую ночь, которую Ангелина не работала. Это три раза в неделю. И за неделю Саша прибавила в весе семьсот граммов. И ныла потом, ударяясь головой о стену, проклиная генетическую предрасположенность к полноте и чудачества подружки.

Сегодня ночью Ангелина снова работала. Вернее, уже закончила и теперь снимала грим ватным тампоном, смоченным в специальном растворе, который ей готовили на заказ. Она уже сбросила сценический костюм и сидела перед зеркалом в крошечной гримерке, выделенной ей в индивидуальном порядке, в чем мать родила. Потому что, снимая грим, она могла заляпать свою личную одежду. А та красивая и дорогая.

И еще ей было жарко в этом крошечном помещении без окон. И еще ей было плевать на то, что ее кто-то увидит го-

лой. Она только что два с половиной часа – с небольшими перерывами – отмоталась у шеста почти без одежды. Крохотные стринги и наклейки на сосках не в счет. И еще ей нравилось смотреть на себя обнаженную. Ее тело было совершенным. Так считала она. Так думали и клиенты, которые ей платили за танцы.

Ангелина в последний раз провела по лицу ватным тампоном, швырнула его в корзину для мусора. С громким зевком потянулась и встала, чтобы начать одеваться. Но ее спугнули громким стуком в дверь.

– Ангел! Ангел, это я, – заныл под дверью мужской голос. – Открой, пожалуйста! Есть разговор!

О боже! Она в притворном раздражении закатила глаза, хотя тот, кто стоял по ту сторону двери, не мог этого видеть. Дотянулась до прозрачного пеньюара, которым пользовалась не часто, а именно в таких вот случаях, набросила на себя и повязалась блестящим поясом.

– Чего тебе? – холодно поинтересовалась она, распахивая дверь.

– Я войду? – спросил неожиданный гость и шагнул в гри-мерку.

Помещение мгновенно словно вдвое уменьшилось в размерах. Гость был высоким, широкоплечим, мускулистым. Огромным, короче, он был, по ее понятиям. Темные глаза из-под низких бровей тут же прошлись по ее телу. Крупный кадык дернулся на мощной шее.

– Ты голая, – выдохнул он и судорожно сглотнул. – Ангел, ты великолепна!

– Ты за этим здесь? – возмущенно прошипела она, хотя его восхищение всегда ей нравилось.

– Нет. Не за этим. – Он тронул ее стул за спинку, спросил: – Присяду?

Она знала, что это был коварный план. Когда Иван усаживался в ее гримерке, он загораживал собой дверь. И выбежать из крохотной каморки она не могла. Оказывалась зажатой в угол. И пару раз Иван даже распускал руки. За что бывал наказан местной охраной. Он, конечно, был влиятелен, но правила в этом клубе были для всех одни. Он об этом знал, и синяки охранникам прощал.

Он уселся на ее стул перед зеркалом. Глянул на ее личный белоснежный костюм на вешалке.

– Помню этот наряд. Ты в нем богиня!

– Иван! Говори и проваливай. Мне еще до дома добираться.

– Могу подвезти, – отреагировал он тут же.

– Нет, не можешь! Говори!

– Ладно...

Он уставился на ее грудь, ошетилившуюся аккуратными сосками под тонким прозрачным пеньюаром. Снова судорожно сглотнул и неожиданно отвернулся. Ангелина насто-рожилась. Разговор он, стало быть, не выдумал.

– Ваня, что?

– В общем, слышал, на твоей лестничной клетке девку зарезали. – Он вопросительно глянул.

– Так точно, Ваня. Зарезали.

– Кто? За что? – прищурился он своему отражению в зеркале примерки.

– Просто девушка. Жила двумя этажами выше. К ней пришла знакомая. Они пили, пили. Разругались из-за парня, с которым обе трахались. Одна из них выбежала из квартиры. Вторая за ней вниз по лестнице. И на нашей лестничной клетке одна другую зарезала.

– Как я слышал, нанесла несколько ножевых ранений? – он вопросительно глянул на ее лицо, не на грудь.

– Будто так. Не уточняла. Я в тот момент спала перед ночной сменой. Ко мне полиция даже не дозвонилась. Сашка звонок отключает, когда я сплю.

– Какая у тебя заботливая подруга, – скрипнул зубами Иван. – И менты, значит, к тебе не попали?

– Нет. А зачем им я?

– Ну как... Все соседи повыскакивали из своих дверей, так громко девчонка орала. А ты спала! Неужели правда ничего не слышала? Или испугалась дверь открыть?

– Ваня, а чего мне бояться, скажи? Девушки мужика делили. Напились. Переругались. Одна другую зарезала. Мне-то чего бояться? Не меня пришли убивать.

Против воли последняя фраза вышла у нее какой-то скомканной. И Ангелина замолчала, прикусив губу.

– Вот видишь, и ты не уверена.

Он встал, заполнив собой все пространство маленькой гримерки. Дотронулся указательным пальцем до ее подбородка и медленно повел им по скуле. Добравшись до ее виска, легонько постучал и добавил:

– И я не уверен.

– Ты о чем? – она так растерялась, что даже по руке его привычно не ударила.

– Боюсь, что убийца пришел по твою душу, Ангел. Вас просто перепутали.

Его палец осмелел, юркнув к ее затылку под волосами.

– В смы-ысле?! – опешила она и тут же запоздало ударила Ивана по руке. – Прекрати свои штучки. Меня тошнит от твоих прикосновений. Разве ты не помнишь...

– О чем? О том, что ты любишь женщин? – его полные губы разошлись в ухмылке, он недоверчиво покачал головой. – Помню, Ангел. Только мы ведь с тобой знаем, что это не более чем легенда. Так?

– Нет, не так! Убирайся! – вспыхнула она, задирая вверх крепко сжатые кулачки. – Это ты сюда с легендой явился, чтобы запугать меня! Надеешься, защиты у тебя попрошу? Идиот! У меня есть Саша. И мне никто больше не нужен. Уясни это, Ваня!

Подобными словами заканчивалась почти каждая их встреча. И хотя этих встреч становилось все меньше и меньше, Ангелина не могла не признать, что выходит из себя все

чаще.

– Ты меня просто достал! – выпалила она, поймав в зеркале свое покрасневшее лицо. – Надо додуматься: меня пришли убивать! С какой, сука, стати? Я никому, кроме тебя, дорогу не перешла! И тебе, если разобраться, ее не переходила...

– Ага. Согласен. Ты просто со мной рука об руку идти не желаешь, – миролюбиво заулыбался Иван, спрятав руки на всякий случай в карманах тонких льняных штанов. – Нет, Ангел, не я твой враг.

– А кто? – выпалила она.

– Тот, кого ты подставила шесть лет назад. Помнишь школьную историю? Тебе шестнадцать. Ему почти сорок. Он влюбился. Ты играла его чувствами. Хорошо до секса у вас не дошло, как ты ни старалась. А то бы сидеть дяде долгие годы. Вспомнила?

На негнущихся ногах она шагнула к стулу и медленно на него осела. Поставила локти на туалетный столик и, спрятав лицо в ладонях, глухо произнесла:

– Помню. И мне за это до сих пор стыдно.

– Тебе просто стыдно, а дяде невмоготу. – Иван навис над ней и шептал прямо на ухо, обдавая горячим дыханием. – Его после этой громкой истории бросила жена. Дети с ним не общаются. Его уволили и никуда не брали на работу в вашем Мухосранске. И дядя был вынужден уехать. И знаешь куда? Правильно, Ангел! Умница! Здесь твой дядя – тобою умело

соблазняемый. В столице нашей Родины – в Москве.

– Откуда знаешь? – глянула она на него из-под ладоней.

– Оттуда, что он стал постоянным посетителем этого ночного заведения, малышка. – Иван прилип щекой к ее щеке, занавешенной волосами, продолжая шептать. – Я же должен знать, кто тобою особо восторгается? Должен. И мои ребята сразу его вычислили. Всегда приходил в одно и то же время: только в те ночи, когда выступала ты. Садился за один и тот же столик. И смотрел на тебя, не отрываясь. А после убийства несчастной твоей соседки вдруг исчез. Скажи мне, почему, малыш?

– Не знаю...

Голос ее дребезжал. Пальцы рук подрагивали. Ее даже слегка подташнивать начало оттого, что все ее подозрения оказались правдой. А Сашка неправа! И напрасно она на нее рычала, обвиняя в собственных ночных обжорствах.

Убить хотели именно Ангелину, не бедную девушку Аллу! Их просто перепутали! Потому что они...

– Вы ведь немного похожи с ней, Ангел. С той девушкой, которую убили. Фигура, рост, черные волосы. Он мог без сценического грима запросто вас перепутать. И убил несчастную он, а не ее подруга.

– Но полиция считает иначе, – возразила Ангелина слабым голосом.

– Полиция схватила того, кто стоял над трупом с ножом. Им зачем землю рыть в направлении твоего прошлого, когда

готовый подозреваемый имеется? Девчонку посадят, а дядя... — он погладил ее по плечам и тихо прошептал: — А дядя, поняв ошибку, вернется за тобой, Ангел...

Глава 6

Ее никто не трогал в камере, вопреки предсказаниям ее тетки. На нее там почти не обращали внимания. Даже извинялись, когда нечаянно задевали локтем возле умывальника. Она ничего не могла понять. Сначала подумала, что это заслуга полиции. Они специально поместили ее в камеру с очень вежливыми преступницами. Потом подумала, что так обстоят дела везде. А в кино просто выдумывают, показывая всякие ужасные издевательства и унижения. Но вчера вечером ее иллюзии улетучились, когда толстая тетка в потной махровой кофте жестоко избивала свою подружку. Та заползла под койку и тихонько скулила оттуда и просила прощения за что-то, неведомое Ирине.

– Зачем вы так? – округлила она глаза, рассматривая толстое потное лицо тетки в кофте. – Это жестоко и неправильно.

Та на мгновение опешила, а потом пошла на нее осторожными мелкими шагами. Под ее весом, казалось, скрипел даже бетонный пол.

– Слышишь, ты, праведница! – прошипела она ей в лицо, подойдя слишком близко к месту, где стояла, прижавшись к стене, Ирина. – Скажи спасибо, что за тебя авторитетные люди похлопотали, иначе...

Она резко обернулась, услышав, как избитая ею подружка

пытается вылезти из-под койки. Та, поймав злой взгляд, тут же уползла обратно и снова тихонько заскулила.

– Иначе ты у меня оттуда... – длинный палец с грязным ногтем потыкал в сторону койки в углу, – не выбралась бы! День и ночь сидела бы там и выла! Жестоко ей, неправильно! А подругу ножом тыкать из-за мужицкой ширинки правильно? Девочке всего двадцать пять лет было от роду, а ты ее на тот свет спровадила. Это правильно?

– Это не я, – тихо произнесла Ирина и обреченно всплеснула руками. – Почему мне никто не верит?!

– А потому, что здесь никому никто не верит, праведница, – оскалила прокуренные зубы женщина. – И здесь все ни при чем. Как будто!

Она громко и грубо рассмеялась. Остальные заключенные ей вторили, захихикав. Даже избитая ею подруга засмеялась из угла под койкой – противно и подобоострастно.

– Здесь все сидят по оговору, просто так или по несправедливости, – оборвала тетка резко свой смех. – Так что запомни: сидишь тихо и не злишь меня. А то не посмотрю, что папашка у тебя больно героический, придавлю...

Вот такое у Ирины вчера вечером случилось прозрение. И оказывается, что в кино показывают все правильно. И даже не все, что может еще гадкого случиться в тюремной камере. Отчего ее мутило половину ночи, пока не стихли шорохи, пыхтение и стоны.

Утром к ней снова приехал следователь и вызвал на до-

прос. И снова склонял к тому, чтобы она написала признательные показания.

– Она нападала на вас с ножом, разве нет? – смотрел он добрыми усталыми глазами на Ирину. – А вы спасались бегством. А двумя этажами ниже, видимо, упали... Или она ударила вас по затылку, оставив синяк. И вам ничего не оставалось делать, как обороняться. Ирина, вспомните еще раз события того вечера. Дело практически готово к передаче в суд. Потом у вас уже не будет возможности изменить свои показания, Ирина.

– Я... Я плохо помню. Плохо помню, что случилось тем вечером. Может быть, в моем бокале с вином что-то было?

– Сожалею, но анализ вашей крови не подтвердил того, что вас опоили чем-то. И алкоголя в крови было немного. Эксперты ссылаются на ваше сильнейшее нервное потрясение. Но... Но для этого вы должны подтвердить, что это действительно было так. Подпишите признательные показания.

– Какие? – моргала она растерянно.

– Что вы, находясь в состоянии аффекта и страха за свою жизнь, отобрали нож у своей соперницы и в целях самообороны нанесли ей несколько ударов, повлекших за собой смерть вашей подруги.

В его мудрых глазах загорелся огонек раздражения. Он уже не раз говорил с ней подобным образом. И она не могла понять, почему он настаивает. Если все так ясно с этим убийством, зачем им ее признательные показания? Может,

все же что-то не совсем ясно?

– А что еще говорят эксперты? – глянула она на него исподлобья.

– В каком смысле? – насторожился сразу следователь.

– Могла я или нет ударить столько раз Аллу ножом?

– Почему же нет? – он будто развеселился. – Могли и ударили!

– Но эксперты в этом на сто процентов уверены?

Ирина впилась взглядом в лицо следователя. Его словно в муке вываляли, таким оно сделалось бледным.

– Разве ваш адвокат вам не сообщил все детали расследования? Разве не говорил, что шансов у вас никаких?

Адвокат, к слову, куда-то подевался. То все ходил и ходил, уговаривал и уговаривал сотрудничать со следствием. И вдруг пропал.

– Я его не видела уже несколько дней. Не знаю почему.

Следователь как-то задержался, принявшись перекладывать бумаги в потрепанной кожаной папке. Потом пожал плечами и нехотя сообщил:

– Там, кажется, произошла замена. Прежний адвокат отказался с вами работать. Или ваши родственники его отстранили. Я не в курсе. С сегодняшнего дня вам назначен другой адвокат. И он вот-вот приступит к ознакомлению с делом и...

– Давайте встретимся с вами после того, как я с ним познакомлюсь. Можно? – она вежливо улыбнулась. – Прости-

те меня, но я не могу написать признательное. Я не убивала Аллу. Ни в целях самообороны, ни из-за ревности, никак! Я ее не убивала! Нож в мои руки вложил кто-то еще. Кто – не помню. Возможно, он же и отключил меня на минуту, ударив по затылку. Все очень смутно. Я не могу... Простите...

Следователь тяжело вздохнул и через пять минут простился, пообещав скорую встречу в суде.

Ирину едва успели довести до камеры, как снова потребовали назад. На этот раз явилась тетка.

– У меня всего десять минут. Больше не удалось выхлопотать. – Клавдия Степановна разложила на столе бумагу с вопросами и вариантами ответов. – Отвечай, только быстро: да или нет. Третьего не дано.

– Это что? – округлила глаза Ирина. – Экзамен?

– Ага... Самый важный в твоей жизни, – она криво ухмыльнулась. – И устраивает его тебе твой папаша.

– Так он же...

– Да жив он, жив, – отмахнулась от нее тетка. – Решил мир спасти на старости лет, а заодно и тебя. Вспомнил, что дочь у него есть! Надо же... Приступим... Кто был инициатором встречи с Аллой? Ты или она? Только отвечай быстро, не тупи!

– Она, – уверенно ответила Ирина. – Позвонила и пригласила для разговора.

– Как долго вы сидели за столом перед тем, как выбежать из квартиры? Час, два, полчаса, десять минут?

Ирина ненадолго задумалась.

– Минут сорок, может, чуть больше, может, чуть меньше.

Но не десять минут, точно, и не час.

– Вы ругались, спорили или говорили интеллигентно?

– Какая уж тут интеллигентность, тетя Клава, когда она на Ивана начала права предъявлять?! – возмутилась Ирина, снова вспомнив, как затопила ее обида с первых слов Аллы. – Говорила обо мне такое!.. Что я навязываюсь ему, что прохожу и жизни ему не даю. Он не знает, как от меня отделаться и так далее... Я ей то же самое попыталась сказать. Что, мол, это его слова в ее адрес, не мои, а она...

– Ясно, знаю от следователя, – оборвала ее тетка. – Кто первым пошел к двери? Зачем пошел? Или обе побежали? Зачем?

– Я пошла первой. Все было как в тумане. Не из-за вина. Из-за ее слов. Из-за его звонка.

– Он звонил? Стоп! Почему следователь мне об этом ничего не сказал?

– Потому что он мне не поверил. Потому что Иван звонил с какого-то другого телефона. Если вообще это был он.

– Ничего не понимаю! – рассердилась тетка, швыряя ручку на стол. – Ты толком можешь рассказать или так и будешь мямлить?!

– Мы сидели, пили, спорили. И тут на ее телефон позвонили. Она ответила, заулыбалась, начала называть собеседника Иваном. И рассказывать о нашей встрече. Улыбалась и

называла его любимым.

– Ты слышала его голос?

– Нет.

– Она могла блефовать, – удрученно молвила Клавдия Степановна. – Она провоцировала тебя, а ты...

– А я решила уйти. Пошла к двери. Открыла ее.

– А она? Осталась за столом и продолжила говорить с ним?

– Нет... Она кинулась за мной. Начала отталкивать от двери и орать что-то...

– Что?

– Что Иван ее ждет внизу. И он сейчас все расставит по своим местам. И сам скажет, кого он любит и кто с ним поедет на Сахалин. Господи!.. – Ирина закрыла лицо ладонями, простонала. – Такой бред! Какой судья мне поверит?

– Никакой, – уверенно проговорила Клавдия Степановна, сворачивая бумагу с вопросами в трубочку. – Потому что даже я тебе не верю, Ирка. Кстати, твой папаша от щедрот душевных нанял тебе нового адвоката. И тот что-то нашел в деле. Какие-то несостыковки. Сегодня или завтра он приедет к тебе и все расскажет. Значит, вас выманили из квартиры телефонным звонком, ага... И как вы притормозили двумя этажами ниже? Только не таращь на меня свои глазищи и не молоти, что не помнишь! Ну!

– Все и правда как в тумане, тетя Клава, – с легким упреком произнесла Ирина.

Ее взгляд упал на собственные руки. Ногти обломанные, грязные. Как она ни пыталась отмыть руки над шербатой железной раковиной в камере, у нее не выходило. Словно вода из крана бежала грязная, словно по протоколу там невозможно было отмыться. А вот у тетки ногти были в полном порядке. Нежнейший лак, ухоженные ногти – явление редкое, но красивое.

– Что с туманом? – поторопила ее Клавдия Степановна. – Вот побежали вы по лестнице вниз, обгоняя друг друга. А дальше? Кто бежал первым?

– Алла бежала первой, – наморщив лоб, произнесла Ирина. – И вдруг споткнулась и упала.

– Упала? Ты раньше этого не говорила.

– Точно, точно упала! – затрясла в воздухе указательным пальцем Ирина. – Спина передо мной двигалась и вдруг исчезла. Она упала. А потом провал. А очнулась я уже с ножом в руке. От собственного громкого крика очнулась.

– Ясно, – тетка скептически съежила губы. – Только именно так говорить в суде нельзя. Ты убила ее в состоянии сильнейшего нервного напряжения...

– Ты прямо как следователь говоришь! – фыркнула она, перебивая. – Не было у меня никакого потрясения. Обида была. Но не на Аллу. А вообще, по ситуации. Ивана хотелось увидеть и задать ему несколько вопросов. Кстати, что он думает обо всем этом?

– А ничего, – тетка поднялась со стула, шагнула к двери, за

которой маячил охранник. – А ему безразлично! Ни смерть Аллы его не тронула. Ни твое заключение под стражу. Мне кажется, он даже рад, что избавился от вас.

– Почему? – растерянно глянула на нее Ирина.

– Потому что вы были очень навязчивыми. Очень! Потому что... – тетка с плохо скрываемой брезгливостью оглядела племянницу, нашла ее сильно потускневшей и обронила: – Потому что дуры!

Глава 7

Она проснулась задолго до будильника. И еще не вставая с кровати, поняла, что сын снова не ночевал дома. Такое в последнее время часто случалось. Когда она попыталась узнать у него, где и с кем он проводит ночи, он зло глянул и порекомендовал ей применить профессиональное мастерство и узнать самостоятельно.

Как говорится: попросился сам. Маргарита позвонила одному своему давнему знакомому. Он прежде работал в органах, занимался наружным наблюдением. И равных ему в этом не было. Если бы не стремление услужить и нашим и вашим, работал бы до сих пор. Но ее знакомый не сумел устоять перед желанием заработать и слил информацию о наружном наблюдении заинтересованному лицу. Узнали. Выгнали. Но парень не унывал. В частном порядке оказывал услуги за приличные деньги. И, как ни странно, был весьма востребован. И даже подумывал об открытии частной сыскной конторы.

Задание ее он выполнил уже на следующий день.

Оказалось, что сын, втайне от нее, взял в ипотеку маленькую квартиру-студию в новостройке. И теперь самостоятельно делал там ремонт.

– Какой ремонт, Зося?! – вытаращилась на давнего знакомого Хмельнова, принимая из его рук конверт с фотографии-

ями. – Он же не знает, как кирпич выглядит!

– Да ладно вам, Маргарита Сергеевна, – коротко хохотнул Зосимов. – Плохо вы знаете своего парня. Нормально. Справляется.

– А ипотека! Чем он станет ее погашать? У него даже постоянной работы нет!

– Вы что-то путаете, Маргарита Сергеевна. – Зосимову точно было неловко оттого, что приходилось открывать ей глаза на такую очевидную правду. – Он уже год заведует отделом.

– Отделом чего? – фыркнула она недоверчиво.

– Что-то с IT-технологиями. Устроился полтора года назад в эту фирму. Быстро зарекомендовал себя. Пошел на повышение. Сейчас начальник отдела. И это не предел, как мне его отрекомендовали. Так что можете быть спокойны...

Спокойна она не была. Оказывается, у ее сына появилось от нее очень много тайн. Делиться ими с ней он точно не собирался. А собирался съехать из их общей большой квартиры в крохотную студию, в которой кухня заканчивалась там же, где начиналась ванная. И главное – район! Район, где он приобрел себе жилье, располагался на другом конце Москвы. Это ли не намек на то, что он хочет как можно реже видеться с ней. А она-то наивно полагала, что раз они по утрам встречаются за завтраками, то все между ними хорошо.

– Он тебя так и не простил, – произнесла Маргарита, уставившись на свое заспанное лицо в зеркале ванной. – И не

простит никогда. Потому что он не любил эту девочку. А ты...

Она сморщилась, как от зубной боли. Открыла воду в душевой кабине и встала под обжигающе прохладный душ. Через пару минут запела. Это было мощным оружием против хандры и гадких мыслей на собственный счет. Себя надо любить, как считала она всегда. Потому что никто, кроме самой себя, не станет любить тебя так же сильно и всепрощающе.

– В мире много зла, милый, – учила она своего сына тому же. – Зла, непонимания, обид. И чтобы выжить и не сгореть заживо в этом горниле, надо уметь любить себя. Не до фанатизма, конечно, нет. Но в любви к самому себе надо уметь черпать силы. Иначе никак...

Ее сын – милый черноглазый мальчик – слушал ее, вырослел и совершенно, как оказалось, не собирался следовать ее советам. Главным его постулатом какое-то время было критиковать и ругать самого себя. Там не доделал, там недоглядел, здесь поленился и снова не успел.

– Ты просто самоед! – смеялась она над его самобичеванием. Смеялась, правда, с осторожностью. – Так нельзя! Не ты один виноват в том, что произошло...

Выучила, что называется, на свою голову. Теперь он во всем винил ее. И прощать не собирался.

Стоя у окна кухни, Хмельнова медленными глотками пила свой скверный кофе, который так и не научилась готовить. Рассматривала мокрую от летнего дождя улицу и запретно

мечтала об отпуске.

Перед глазами возникали картинки морского побережья – тихого, уединенного, забытого туристами и цивилизацией. Крохотный домик на берегу под деревьями. Можно даже с удобствами на улице. Качели под старым раскидистым деревом. Все равно каким, не принципиально. Могут быть и пальмы, и сосны, и бамбук. Круглый столик на веранде, на нем кофейник, булочки. Подле столика старое кресло: скрипучее, но все равно удобное. И никакой телефонной связи. Ну вот от слова «совсем» – никакой...

Начальник недвусмысленно дал понять, что, как только дело об убийстве Аллы Сахаровой окажется в суде, она может писать рапорт на отпуск. Дело без пяти минут там. Значит, надо присмотреть себе чемодан на какой-нибудь распродаже, где все буквально за копейки.

Телефон на подоконнике зазвонил.

– Да, капитан, слушаю, – удивленно подняла она брови, коллега никогда не звонил ей на личный телефон, да еще в такое время. – Что-то случилось? Наша подозреваемая наконец написала признание?

– Если бы, Маргарита Сергеевна! – воскликнул Дима. – Тут вообще происходит непонятно что, товарищ подполковник. Вскрылись новые детали дела. И боюсь, что наша подозреваемая уже завтра утром выйдет на свободу под подписку.

– Не-ет, – протянула она раздраженно. – С какой стати, капитан?

– С той самой, что у нее появился новый адвокат. От услуг предыдущего они отказались. И этот адвокат принялся наседать на экспертов. Те снова напряглись и перепроверили все данные.

– И?! Не мямли!

– И оказалось, что наша подозреваемая не могла убить свою подругу. Ни стоя, ни лежа, ни на коленях. Угол удара другой, потому что убийца правша. А наша подозреваемая левша. – Он помолчал и добавил с тяжелым вздохом: – Как оказалось. Я уже и в школу ее звонил, и в техникум, и на работу. Там подтвердили, что она все делает левой рукой: пишет, держит вилку, расчесывается. Ирина Новикова левша.

– О господи! – выпалила Хмельнова, набрала полную грудь воздуха, закричала на выдохе: – Скажи как?! Как такое могло случиться? Как важнейшая улика в деле проскочила мимо твоих глаз?!

И мимо ее, между прочим, тоже. Вдруг вспомнилось, как плакала перед ней на допросе Ирина Новикова. Она же все время вытирала глаза левой рукой. Это же очевидно. Почему она не обратила внимания?

– А я скажу тебе, капитан, как, – проговорила она уже тихо. – Потому что мы так обрадовались, что у нас дело почти закрыто, что убийца вот она – только пакуй. И ни на что не обращали внимания. Кстати... А когда ее обнаружили жильцы подъезда с ножом в руке, он в какой руке у нее был?

По тому, как красноречиво промолчал капитан, Хмельно-

ва поняла, что он об этом не спросил.

– Но у нас же пока не было выезда на место происшествия, товарищ подполковник. Там бы все и...

– И раскрылось, что мы с тобой важный факт профукали. Как профессионально! Все, казавшееся до тошноты банальным, вдруг перестало таковым быть... – пробормотала она вполголоса. – Есть что-то еще жизнеутверждающее, капитан?

– Никак нет, – вяло ответил он.

Она отключилась. Снова глотнула дрянного кофе, поморщилась и отправила чашку в раковину. Мыть не станет. Вечером. Все равно ее некому ругать за грязную чашку. Сын от нее съехал. И видимо, навсегда.

По дороге на службу она сразу набрала начальника следственного изолятора и попросила устроить ей встречу с подозреваемой.

– Какой она, однако, стала популярной, – пошутил тот. – Визит за визитом. Подъезжайте, Маргарита Сергеевна, все устроим...

Сегодня Ирина Новикова не плакала. Она смотрела открыто, даже немного с вызовом.

– В какой руке у вас был нож, когда жильцы обнаружили вас на лестничной клетке над телом убитой подруги? – безо всяких предисловий начала Хмельнова допрос.

У нее не было с собой протокола. Встреча не фиксировалась видеокамерой. Она была здесь почти неофициально,

чтобы подготовиться к разговору с полковником. Разговор будет. И будет много упреков в ее адрес и в адрес капитана. Что же, вполне справедливо, раз они упустили такую важную деталь.

– Кажется... Кажется, в правой, – неуверенно глянула Ирина. И тут же опустила голову. – Вам лучше спросить у свидетелей. Мои сведения не вполне... Я плохо помню.

Хмельнова лишь кивнула, словно ей уже известно обо всем. А на самом деле...

Черт! Все было так очевидно, что они с капитаном даже не удосужились заострить внимание на этой детали.

– Как так вышло, что вы обе оказались на площадке двумя этажами ниже квартиры, где проживала убитая? – Хмельнова поймала недоуменный взгляд Ирины и раздраженно произнесла: – Да, да, я помню, что вы уже говорили об этом. Но вы все время путались. То ли она побежала первой из квартиры. То ли вы захотели уйти. А она вас пыталась остановить. И вы все время повторяли, что плохо помните. Если не сложно, повторите снова!

Ирина кивала в такт ее словам. Когда Хмельнова замолчала, слегка прокашлялась и произнесла:

– Да, я путалась, это точно. Но в камере вспомнила. Я уже и тетке своей рассказала о телефонном звонке.

– О каком звонке? – нахмурилась Хмельнова. – Вам никто не звонил. Мы проверили ваши телефоны. И ваш, и убитой Сахаровой. Ей звонили лишь однажды, но это был ошибоч-

ный звонок.

– Алле позвонили совершенно точно. Я слышала звонок. И мужской голос. И она сказала, что это Иван ей звонит. И что ждет ее на лестнице. Поэтому она и побежала, а я за ней.

– Так! Стоп! Давайте по порядку. Вы слышали голос Ивана? Можете совершенно точно утверждать, что это звонил он?

– Нет. Я не могу сказать, что ей звонил Иван. Но звонивший был мужчиной. Алла сказала, что это Иван и что он ждет ее на лестнице для разговора.

– Она вас обманула, – перебила ее Маргарита. – На ее номер звонили из службы такси. Мы проверили. Они просто ошиблись.

Хмельнова вдруг почувствовала страшную усталость, которая всегда вытесняла раздражение. Когда дело, казавшееся очевидным, вдруг переставало таковым быть. И приходилось возвращаться к истокам. И начинать все заново. А с чего начинать, если всех живущих в подъезде проверили досконально. Никого, способного желать смерти Алле Сахаровой, не выявлено. Никого, кроме ее соперницы. А та вдруг оказалась левшой!

– Она могла убить ее правой рукой, чтобы ввести следствие в заблуждение? – наседала она часом позже на патологоанатома.

– Могла, почему нет, – меланхолично отзывался тот. – Удары нанесены хаотично, без определенных навыков, вы-

дающих профессионалов. Так что... Могла, конечно, убить и правой рукой...

– Но ее адвокат утверждает, что ее правая рука недостаточно развита для совершения подобных действий, – мотал полковник в воздухе медицинским заключением на вечернем совещании. – Грозит жалобами во все возможные инстанции. Хмельнова, как тебе такое? Хочется снова встретиться с парнями из службы собственной безопасности?

Она выразительно и тяжело посмотрела на него, и он запнулся на следующем своем слове.

– В общем, так... – трясущимися от гнева руками он убрал в папку медицинское заключение, снимающее с Новиковой все подозрения, оглядел присутствующих. – Новикову из-под стражи отпускаем под подписку о невыезде. И начинаем все сначала. Завтра к вечеру мне отчет о поквартирном обходе.

– Но он есть в деле, – возразила Хмельнова и глянула, настырно сжав губы.

– Новый поквартирный обход. Новый, товарищ подполковник. В связи с открывшимися новыми сведениями. Все свободны...

В кабинет она вошла первой, капитан Андреев где-то замешкался. Наверняка шушукается с дознавателем Верой Умовой. Та много раз пыталась навести справки о прошлом Маргариты, ей рассказывали об этих попытках. Но безуспешно. Теперь им есть что обсудить.

Но Андреев неожиданно зашел в кабинет с двумя стаканами кофе и пирожками, которые купил в соседнем доме в «Пирожковой». Она прикинула по времени. Получалось, что с Верой пошутиться он не успел.

— Будете пирожки? — поставил он на ее стол стакан с кофе. — Два с яблоками, два с вишней.

— Ох... Спасибо, конечно, — она глянула на свой совершенно плоский живот. — Наберу лишний вес, ты виноват будешь.

— У вас конституция не та, товарищ подполковник. Вам не грозит сделаться толстой и безобразной, — улыбнулся он вполне приятно. — Давайте так: один с яблоками, один с вишней? Чтобы и мне не обидно было.

— Давай, — она точно любила и ту, и ту начинку. — И хочу кое-что прояснить, чтобы ты к Умовой опять с вопросами не кинулся.

Он остановился на середине кабинета, словно споткнулся. Повернул к ней покрасневшее лицо.

— Да я, собственно...

— Меня перевели к вам в отдел после одного неприятного дела. Скандального. В нем был замешан мой сын. — Она сняла пластиковую крышку со стакана, отхлебнула кофе. Воскликнула изумленно: — Отличный кофе, капитан! Откуда?

— Из автомата в коридоре, — недоуменно заморгал он.

— Надо же... Даже из автомата кофе лучше, чем я варю... В общем, Сережа мой встречался с девушкой Варей. Как

встречался? Так... То встретятся, то он ее продинамит. Как-то не готов он был на тот момент к серьезным отношениям. А вот она... Она вообразила, что он любит ее и только ее. Часто приходила к нам в дом. Даже когда его не было. Сидела со мной часами. Помогала готовить. В общем, готовилась к тому, чтобы войти в семью.

– А сын ваш где был в это время?

– А сын мой в это время встречался с другими девушками. И старался забыть о Варе. Только она не позволяла. Вела себя настойчиво, если не навязчиво. Сначала ее навязчивость проявлялась в визитах к нам в дом. Потом она начала подстергать Сергея во всяких разных местах. Устраивать ему публичные истерики. И в процессе этих истерик прозвучало, что я ее всячески провоцирую на то, чтобы она считала себя членом нашей семьи. Сын мне предъявил претензии. Я предъявила претензии ей. И однажды просто не пустила ее в дом, наговорив... В общем, я была достаточно резкой и откровенной. И Варя...

– Она покончила с собой? – выпалил Андреев, так и стоя в центре кабинета со стаканом в одной руке, с пирожками в другой.

– Да. И еще она оставила предсмертную записку, в которой обвиняла моего сына. И было разбирательство. И служебная проверка, в ходе которой выяснилось, что я последней видела ее в живых. Все, конечно, выяснилось. Статью по доведению до самоубийства применять не пришлось. Но...

меня понизили в должности и сослали сюда. — Она шумно глотнула, откусила пирожок и пробормотала рассеянно: — Вкусно.

— Понятно, — он глянул на нее с сочувствием.

Но она его тут же одернула, стукнув по столу ладонью.

— Я это для чего тебе рассказала, капитан? Не для того, чтобы ты меня жалел. А для того, чтобы ты к Умовой за сведениями не бегал. И не шушукался с ней по углам. Противно!

— Я не шушукался. — Андреев покраснел до мочек ушей.

— И вообще... — она смерила его с головы до ног выразительным взглядом. — Она — не твой вариант. Слишком прилипчива.

Они оба вздрогнули от того, с какой силой распахнулась дверь их кабинета.

— Добрый вечер, — ярко накрашенные губы Веры Умовой расплзлись в широкой улыбке. — А я к вам с новостями. И с какими!

Ни Хмельнова, ни Андреев не произнесли ни слова, ожидая продолжения. Вера пошла к столу Димы медленной грациозной поступью. Ее юбка до колен была слишком узкой, и при ходьбе слышалось характерное шорканье ее ног выше полных коленей. Ему сделалось неприятно. Хмельновой, судя по ее гримасе, тоже.

Вера дошла до стола капитана и с облегчением уселась в его рабочее кресло.

– Простите, товарищ подполковник, что прервала вас.

Она неприязненно глянула на Хмельнову. Видимо, последняя фраза в ее адрес была Верочкой подслушана.

– Но сведения очень важные. – Она ласково глянула на Андреева и совершенно неуместно провела кончиком пальца себе по шее. – Помнишь, я рассказывала тебе о доме по соседству с тем, в котором произошло убийство на лестничной клетке?

– Где накрыли наркопритон и бордель одновременно? – уточнил Дима.

– Да. Мы проверяли там всех жильцов и так далее. Я лично каждого под микроскопом рассматривала.

– Да, да, помню.

Дима поставил на подоконник нетронутый кофе и положил рядом пакет с пирожками. Почему-то мысль предложить угощение Вере не пришла ему в голову. В ушах еще слышался шорох ее трущихся друг о друга бедер.

– Там еще всплыла личность какого-то вора... – он пощелкал пальцами, пытаясь припомнить имя.

– Сергей Иванович Золотов, он же – Серж Золотой. Пятидесяти лет от роду, неоднократно судимый. Но в последнее время будто бы ведущий праведный образ жизни. Будто бы... – с нажимом повторила Вера и оглядела их с той же широкой улыбкой.

– Есть сомнения? – нетерпеливо поинтересовалась Хмельнова, отставляя полупустой стакан с кофе в сторону.

У нее неожиданно пропал аппетит. То ли от вида пышного женского тела, которого, она считала, в Вере слишком много. То ли от грядущих новостей, которые Умова им принесла. Почему-то не ждала она от этих новостей ничего хорошего.

– Знаете, кто на самом деле этот Золотов?

Вопрос был риторическим, оба снова промолчали.

– Он родной отец вашей подозреваемой Ирины Новиковой. Считаете, что такие совпадения возможны? – Вера неожиданно перестала улыбаться и, навалившись тяжелой грудью на стол, зловеще прошипела: – Золотов проходил свидетелем по делу с наркопритоном и борделем, но соскочил. И тут вдруг в доме по соседству убивают девушку. С ножом в руке его дочь. И все бы ничего, если бы не Ангелина Баловнева...

– А это кто? – в один голос выпалили Хмельнова с Андреевым.

– Это танцовщица из ночного клуба, проживающая на той самой лестничной клетке, где было совершено убийство. Она, кстати, тоже мелькала в материалах дела с борделем. И тоже соскочила. Это не кажется вам странным, дорогие коллеги? Не слишком ли много случайных совпадений такого зловещего толка?

Глава 8

– Вы в прошлый раз не открыли мне дверь. – Капитан Андреев только что продемонстрировавший заспанной девушке свое удостоверение, без приглашения перешагнул порог квартиры и с улыбкой предположил: – Видимо, вас не было дома.

– В прошлый раз – это когда? – поинтересовалась девушка.

Голос у нее был с хрипотцой, Андреев нашел его очень сексуальным. И девушку, внимательно осмотрев, тоже нашел сексуальной. Стройная брюнетка с маленькой грудью, длинными ногами и черными локонами до тонкой талии, до которой не доходила крохотная футболка. Гладкая линия живота с крохотной бусинкой в пупке. Все красиво, эротично. Оно и понятно. Девушку с другими данными вряд ли взяли бы танцовщицей в ночной клуб.

– В прошлый раз – это когда перед вашей дверью было совершено убийство, а я осуществлял поквартирный обход. Видимо, вас не было дома.

Андреев поискал взглядом, куда бы присесть. Везде были разбросаны вещи. Как если бы Баловнева собиралась уезжать.

– На отдых? – поинтересовался он, присаживаясь на край дивана, который она разгребла.

– Нет. Подруга съехала.

– В смысле? – не понял он, задирая брови. – Она собрала свои вещи, а ваши разбросала?

– В смысле да.

Ангелина схватила в охапку все, что валялось кучей в глубоком кресле, стоящем в углу. Отнесла в другую комнату. И в кресле очутилась уже через десять секунд. При этом она так искусно переплела длинные ноги, что Андрееву пришлось без конца себя контролировать, чтобы на них не пялиться.

– Кто ваша подруга? – спросил он, доставая телефон, чтобы заносить в него данные.

– Саша Крутова. Но она уже не моя подруга. Мы теперь не вместе, – красивые губы Ангелины сложились обиженной скобкой.

– В смысле – не вместе? – вытянул шею Андреев. – Вы...

– Да, мы были парой, – проговорила она и уставилась на него со странной смесью торжества и игривости во взгляде.

– И она вас бросила? – уточнил он, испытав подобие легкого удара под дых.

– Да, – последовал краткий ответ, и ее ноги поменяли положение, еще сильнее разжигая его нездоровый интерес.

– Причина? – он поймал ее недоуменный взгляд и пояснил: – Причина, по которой вы расстались? Только не говорите мне, что это ваше личное дело и бла-бла-бла. В деле об убийстве все детали имеют значение.

И про себя он подумал, что одну деталь он уже упустил и едва не схлопотал служебное несоответствие.

– Я не знаю, почему ей так срочно приспичило съехать.

Ангелина резко подалась вперед, разложив локти на коленях. Волосы занавесили ей лицо.

– Вы ссорились?

– Нет. Просто... Как-то так вышло.

– Прошла любовь? – против воли вопрос его был полон яда. – Простите...

– Может, и прошла. – Она снова села ровно, глянув с усмешкой, полной тайн. – Может, ее и не было. А было что-то другое. Желание защитить друг друга. Не чувствовать себя одинокими.

– Вы давно были вместе?

– Достаточно, – уточнила Ангелина, принявшись колу-пать что-то на левой ладонке. – Съехались спустя год, как я попала в Москву. Мне тогда только-только исполнилось девятнадцать.

– А вы уже знали, что не любите мужчин? – вырвалось у Андреева, и он снова устыдился. – Простите... Это не мое дело.

– Верное замечание. Это не ваше дело. Три года мы были с Сашей. А теперь расстались. Когда убили девушку перед моей дверью, я спала перед ночной сменой. Я всегда ложусь в семь, в начале восьмого. Звонок Саша всегда отключала, уходя из дома. Надеюсь, я ответила на все ваши вопросы?

И она глянула так, что у него в желудке что-то сладко ёкнуло.

– Куда? Куда она ушла в тот день?

– В гараж... Правильнее – в сервис по обслуживанию байков. Она там подрабатывает. Давно дружит с хозяином. Он позволяет ей брать подработку. Она почти каждый день туда уходит. – Ангелина досадливо покусала губы и добавила: – Уходила. Теперь, возможно, там поселится. У Гришки есть комната над гаражом. Он туда часто нуждающихся пускает. На какое-то время.

– А эта квартира ваша? Или снимаете?

– Моя. Тетка оставила. Я за ней ухаживала какое-то время, когда в Москву переехала. Инсульт...

– Адрес гаража, где я могу найти Александру, у вас имеется?

Андреев быстро внес данные в телефон под ее диктовку.

– Не факт, что она там живет. Но что работает – точно, – добавила Ангелина и, оттолкнувшись ладонями от подлокотников кресла, эффектно поднялась. – У вас все?

– Нет. Не все, – он упорно продолжал сидеть в углу дивана. – Мне необходимо уточнить, имеете ли вы какое-либо отношение к убийству, что случилось перед вашей дверью?

– Капитан Андреев! – резко опустила она острый подбородок, глянула с ужасом. – Вы в своем уме?! Я никого не убивала! Я спала!

– Я не имею в виду, что вы убили. Я имею в виду, что

убить хотели вас. А просто перепутали девушек. Алла Сахарова тоже черноволосая, стройная. Вас запросто можно было перепутать в подъездном полумраке. Был вечер. Свет на лестничной клетке не горел.

– Зачем этой девице меня убивать? – вытаращилась Ангелина на капитана. – Она же убила, нет?

– Имеются некоторые сомнения на этот счет, – уклонился от прямого ответа Дима. – Следствие ведется. Скажите, вам знаком некий Харин Игорь Всеволодович? Кажется, вы с ним из одного города?

Из нее словно выпустили воздух, так стремительно она сложилась пополам, опускаясь обратно в кресло.

– Уже пообщались с Иваном Бугровым? – глянула она на Диму исподлобья.

– Пообщался. И много еще с кем из вашего ночного клуба, – не стал он юлить.

– И он вам рассказал ужасик про Игоря. Что тот явился в Москву мстить мне. – Ангелина тяжело вздохнула и вытянула ноги, почти доставая кончиками пальцев до Диминого ботинка. – Бред это все. Игорь не может никого убить. Желание убить меня у него, возможно, и имеется, но взять в руки нож!.. Нет. Это не про него. К тому же у него алиби.

– Вы говорили с ним? – вытаращился Андреев.

Девушка все больше удивляла его. И он испытывал острую досаду на себя, не сумевшего в вечер убийства дозвониться в ее дверь.

– Да, говорила. Он снова приперся в клуб. Какое-то время его не было, а тут снова объявился. И я после выступления подошла к нему. Мы поговорили.

Она умолкла, принявшись с такой скоростью кусать губы, словно исполняла какой-то профессиональный танец ртом.

– Вы поговорили... О чем? Об убийстве на вашей лестничной площадке?

Его взгляд неотрывно наблюдал за пальцами ее ног, которые почти касались носков его туфель. Поднимать взгляд выше было для Андреева под запретом. Слишком там было все красиво и... доступно. Протяни руку и коснешься гладкой загорелой кожи.

– Нет. Мы говорили о наших прошлых обидах. Вернее, о его обидах на меня. Бугров наверняка вам рассказал, что произошло, когда я еще училась в школе.

Ангелина повернула голову к окнам, представив ему на обозрение точеный профиль. Нарочно, что ли, она это делает? Ему же сложно сосредоточиться на работе, когда она так умело демонстрирует свою красоту!

– У Харина нет алиби на вечер убийства Аллы Сахаровой, – обрушил он на нее правду, решив не вдаваться в детали. – Он сказал, что спал дома. Один.

– Люди имеют на это право. Разве нет? – ее лицо заметно побледнело.

– Да. Имеют. Но у него был мотив для убийства.

– Убили не меня, – возразила Ангелина.

– Да. Но могла произойти ошибка. И вместо вас погибла Сахарова.

– Оставьте этот вздор, – театрально возмутилась Ангелина, снова поднимаясь на ноги. – Мне кажется, вам пора...

Она бессовестно выставила его, не дав задать ей еще хотя бы несколько вопросов. И он тоже – размяк, как подросток. Узнай Хмельнова, засмеяла бы.

Он обошел все квартиры, расположенные на лестничной площадке. Всем снова задавал один и тот же вопрос:

– В какой руке Ирина Новикова держала нож, когда вы открыли дверь своей квартиры?

Все в один голос заявили, что в правой. И возмущенно добавляли, что уже, кажется, отвечали на этот вопрос.

– А что скажете о девушках, проживающих вот в этой квартире? – он выразительно смотрел на дверь, которая только что закрылась за ним.

– А, эти... – двусмысленно улыбались одни.

– Девушки как девушки. Тихие. Спокойные. А что? – подозрительно щурились другие.

Он вдруг вспомнил, что не задал Ангелине главного вопроса, и снова позвонил в ее квартиру.

– Золотов? А кто это? – ее изумление выглядело искренним. – Нет. Не знаю.

– Он же Серж Золотой. Живет в соседнем доме. И его вместе с вами допрашивали по делу о притоне в том же доме, где он проживает.

– Было дело. Говорили со мной. Решили, что раз я в ночном клубе танцую, то я непременно проститутка и после работы должна бежать в соседний дом, чтобы продавать себя там, – она даже рассмеялась. – Отстали быстро. Никто меня там не видел и видеть не мог. А кого еще по данному факту допрашивали ваши коллеги, мне неизвестно...

И она снова, не простившись, закрыла дверь.

Из подъезда он выходил раздраженным и обескураженным. Никаких новых сведений. Ни единой зацепки. Он лишний раз убедился, что они поспешили сделать Новикову подозреваемой, раз нож был у нее в правой руке. На этом все, откат назад.

Сев в машину, он позвонил Хмельновой и доложил о результатах встречи.

– Навести ее подругу, капитан. Чего это она вдруг от нее съехала в такой непростой период? Может, испугалась чего? Того же Харина, к примеру. Мало ли что он рассказал своей бывшей подружке Баловневой! И опять же, про алиби ей соврал. Навести подругу...

Глава 9

Мастерская по ремонту тяжелых мотоциклов располагалась в трех кварталах от дома Баловневой. Можно пешком дойти за десять минут, а если поторопиться, то и за пять реально управиться. Интересно, ее подруга сюда пешком ходила или на своем байке ездила? Каждый день? Всегда в одно и то же время?

Съезжая с проезжей части на накатанную до звона грунтовку, Андреев пытался вооружиться важными, умными вопросами, которыми закидает сейчас сбежавшую подругу Ангелины – Сашу. Но все они казались ему пустыми и бестолковыми.

Не там они ищут! Совсем не там! Чего Хмельновой в голову взбрело разрабатывать танцовщицу с ее подругой, непонятно! Очевидная же пустышка.

– Есть идеи получше, капитан? – холодно поинтересовалась она, когда он поделился с ней своими сомнениями. – И телефонный звонок за несколько минут до гибели Сахаровой весьма странный. Этим тоже не мешало бы заняться.

– Я же пробивал звонок. Служба такси. Ошиблись номером, – попытался он возмутиться.

– Я говорю, плотнее заняться, капитан, – с силой стискивала челюсти Маргарита Сергеевна, чтобы на него не накричать. – Ты уже назанимался так, что упустил важную ули-

ку. Созвонись с мобильным оператором. Разузнай, как такое возможно? Служба такси отрицает причастность. А Новикова утверждает, что ее соперница в тот момент говорила со своим любовником. И даже выбежала из квартиры с телефоном возле уха. И о чем можно говорить пять минут, если ошиблись номером?..

Она и об этом узнала! Наверняка сама просматривала распечатки, устав доверять ему. Было немного обидно. Он же все проверил!

Лично он считал, что все это как-то связано с Золотовым. Как? Он не знал. Но какая-то загадка крылась в этой темной личности. Правда, ему все еще не удалось встретиться с Золотовым, чтобы задать несколько неприятных вопросов. Тот внезапно куда-то подевался. По месту жительства не появлялся. Телефон его был выключен. Причем так выключен, что найти его не представлялось никакой возможности. Но Золотов был при чем. Так казалось Диме.

Но Хмельнова неожиданно отмахнулась.

– Нет. Он не стал бы подставлять свою дочь. Это просто совпадение, что он живет по соседству. Да... Закончишь с подругами, с телефонным звонком, еще раз более тщательно проверь все контакты погибшей. Кто знает, кому она смогла наступить на больную мозоль. И не смотри на меня как на монстра, капитан, – заглянула она в его несчастные глаза. – Это тебе такая работа над ошибками...

А разве они не вместе ошиблись?

Перед гаражом было тихо и безлюдно. Слева стоял лишь байк Саши Крутовой, номера совпадали. Огромные ворота заперты. Узкая дверь в них слегка приоткрыта. Он не стал стучать, вошел. Мастерская была пустынной. Ни людей, ни техники. Ничего, кроме аккуратно разложенного на стеллажах инструмента.

Оглядевшись, Дима заметил в дальнем углу железную лестницу наверх. Сообразил, что она, должно быть, как раз ведет в комнату над мастерской, которую Григорий позволял занимать особо нуждающимся. Саша должна была быть там, раз ее мотоцикл перед гаражом.

Андреев схватился за перила и ступил на первую узкую ступеньку. Ему удалось забраться наверх без скрипа и грохота. Но вот потом...

– Что вы здесь делаете?! – громко взвизгнув, закричала полная голая девушка, стоящая на коленях на кровати. – Кто вы такой?!

– Простите... – он отвернулся, тут же с раздражением подумал, что он сегодня слишком часто извиняется, и прокричал: – Я из полиции!

– Плевать! – продолжила она орать. – Какого черта сюда суетесь? Это частная территория!

– Она не ваша, – попробовал он ее урезонить.

– Зато моя, – произнес мужчина, которого капитан не заметил среди подушек и скомканных простыней. – И тебе, коп, здесь совершенно нечего делать.

– В общем, так... – психанул Андреев, тоже повышая голос. – Я жду вас внизу. Есть вопросы. Если не желаете внезапной проверки вашей предпринимательской деятельности, спускайтесь. Поговорим. Если нет, то я пошел. Но мне на смену приедет проверка. И закроетесь на пару недель. А дела у вас, я вижу, и без того так себе.

– Сейчас спустимся. Дай хоть одеться, коп, – вполне миролюбиво отозвался мужчина.

Дима спустился вниз. Нашел в углу кулер и выпил залпом сразу три стакана ледяной воды. Руки его слегка подрагивали.

– Мы здесь, – окликнули его со спины.

Андреев обернулся. Полная девушка не особо преуспела, одевшись. Короткая юбка едва прикрывающая трусы. Широкая майка на бретелях с огромными, почти до пупа и поясицы, вырезами. Белья под ней не было.

Парень – высокий, худой, рыжеволосый – надел лишь трикотажные короткие шорты. Голый торс покрывала сплошная татуировка, в замысловатости фигур которой Дима сразу запутался. Так и не понял, что это.

– Вы Саша? Александра Крутова? – спросил он у девушки, показывая им свое удостоверение и представляясь.

Она молча кивнула.

– А вы? – Андреев перевел взгляд на парня.

– Я Григорий – хозяин всего этого, – широко развел тот руки в стороны.

– И у вас отношения? – сощурился он в сторону одновременно утвердительно кивнувших Саши и Григория. – Как же так, Александра? Утром съехали от своей подруги, с которой у вас три года были отношения. А уже к обеду поменяли ориентацию?

– Это мое личное дело. Что-то еще интересует?

Полная девушка Саша прошла мимо капитана, вальяжно виляя задом. Выкатила из-за стола старое офисное кресло с порванной обивкой. Села, не стесняясь, широко раскинув ноги.

– Вы вообще зачем здесь? Ангелина нажаловалась?

– А вы ее обидели?

– Ну... Как сказать?... – она сделала губы «уточкой», став жутко несимпатичной. – Скажем, она не ожидала от меня такого вероломства. А мне надоело вечно барахтаться в ее проблемах. Что ни день, то проблемы! То ухажеры какие-то «левые» за ней увяжутся после смены в клубе. То старый пень повадится в гости. Сидят как голубки, воркуют. А потом их обоих полиция на допросы таскает. Мне оно надо?

– Что за старый пень?

Дима оперся поясницей о верстак, встав так, чтобы видеть их обоих – и Александру, и Григория. Они же без конца переглядывались, ухмылялись и перемигивались.

– Да из соседнего дома. Сергей какой-то.

Андреев нашел в телефоне фотографию Золотова, показал ее Саше. Она утвердительно кивнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.